

СЫНЫ ИЗРАИЛЯ
ДРАМА В 4-ёх ДЕЙСТВИЯХ и 5-ти
КАРТИНАХ
СОЧИНЕНИЕ
В. КРЫЛОВА и С. ЛИТВИНА.

Приложение к журналу «Исторический вестник».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ Типография А. С. Суворина, Эртелев пер., д. 13.

1899

• • •

СЫНЫ ИЗРАИЛЯ.

Драма в четырех действиях и пяти картинах.

В. Крылова и С. Литвина.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Горанин, Александр Петрович — судебный следователь.

Прокурор.

Моше Гольденвейзер — богатый еврейский коммерсант.

Сарра — дочь его.

Михель Реддих — племянник Моше, тоже богатый коммерсант.

Ципа — его жена.

Авраам Гиршель — старик еврей.

Годе — его жена.

Сендер — их сын раввин-талмудист.

Пеша — их малолетняя дочь.

Шабсай — главный раввин еврейской общины.

Лейзер — первый синагогальный староста.

Гилель — собиратель коробочного сбора.

Нахман — еврей.

Таможенные (христиане):

Антонов, стражник.

Второй стражник

Авдотья — прачка (христианка).

Письмоводитель следователя.

Фурман следователя.

Слуга следователя.

Тюремный надзиратель.

Шмуль — работник у Гиршеля (мешурес).

Иошке Бернштейн — еврей.

Раввины, евреи, представители еврейской общины.

Действие происходит на западной границе России, — в наши дни.

• • •

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Общая комната еврейской корчмы.

Она отделена в глубине занавеской от жилого помещения. Слева занавеска примыкает прямо к поперечной стене: справа между занавеской и углом поперечной стены идет (параллельно рампе) тоже небольшая стена; в ней дверь в кухню. Справа входная дверь, за ней печь и лежанка. Слева окно; перед ним стойка с графинами и зажженной свечей в горшке (1)¹. Другая такая же свеча в горшке горит направо, на столике у лежанки. Лавки, табуреты. Сендер сидит справа, читает книгу. Пеша спит на лежанке. Моше и Цина среди сцены. По поднятии занавеса молния и гром.

ЯВЛЕНИЕ I.

Моше, Цина, Сендер и Пеша, потом Годе.

Моше. (после удара грома) — Спаси нас, Бог Авраама, Исаака и Иакова!

Ципа. — Отстрани гнев твой от сынов твоих, Бог Адонай. Направь гнев твой на врагов твоих, а детей Израиля обереги.

Моше. — Вот гроза! ещё не поздно, а уж темно, как ночью... А Михеля все нет... шабаш наступил, а его все нет.

Ципа. — Звезд на небе не видно, почему же ты можешь сказать так непременно, что шабаш наступил?

Годе входит.

¹ 1 Так как евреи не имеют права гасить свечи, зажженные накануне субботы, то иногда их ставить в горшки с песком во избежания пожара.

Годе. — Нет Михеля?

Моше. — Нет, ещё не приходил.

Годе. — Боюсь я, что мой старик сейчас потребует нас к столу. Кушанья уж все расставлены, и свечи зажжены.

Моше. — У него моя Сарра. Когда твой Авраам заговорится с моей дочерью, они оба вознесутся на небо и ничего не помнят.

Ципа. — Да, уж это просто непонятно, как Сарра любит твоего отца, Сендер. Подумаешь, что она его невеста, а не твоя.

Годе. — Перестань мутить людей. Зачем ты это говоришь? Ты знаешь, что Сендер и так всегда сердится, когда Сарра долго остается со стариком.

Ципа. — Я так сказала, в шутку. Сарра не может выйти замуж за твоего мужа.

Моше. — Отчего ей и не разговаривать с Авраамом? Он человек благочестивый.

Сендер. — Конечно, мой отец благочестивый человек, но он всегда путался в правилах жизни; а теперь, на старости, ещё больше ослаб разумом и духом. У него иногда являются мысли, непригодные для верной еврейки.

Моше. — Молчи, он идет сюда.

Входит Авраам, опираясь на Сарру.

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же, Авраам и Сарра.

Авраам. — Поздний час, детки... скоро пора будет и в постель ложиться, а мы ещё не приветствовали наступления субботы, не преломили субботних хлебов.

Моше. — Темно из-за туч, а ещё не очень поздно.

Авраам. — Дитя там уж и заснуло.

Ципа. — Она ленивая. Проснись, Пеша, проснись. Не люби спать, чтоб не обеднеть; держи открытыми глаза и всегда будешь сыта.

Девочка просыпается и смутно озирается.

Моше. — Попусти, почтенный Авраам, ещё немного подождать. Не годится нам приступить к субботней трапезе, пока не придут Михель и Иошке. Шабаш — праздник великий, должен быть радостью для всех сынов Израиля, а какая же радость будет вот Ципе идти кушать, когда нет её мужа при ней. Подождем Михеля.

Авраам. — Зачем же он опаздывает? Он бы должен быть здесь до начала шабаша. Ох, детки, детки, не с чистой душой справляете вы древние законы, все гнетут вас житейские дела да расчеты.

Ципа. — Почему ты знаешь, что задержало Михеля?

Моше. — Он наверно из города вышел во время, но оттуда сюда три версты, и Господь грозу послал. Может быть, Михель и Иошке где-нибудь в шалаше по дороге ждут, чтоб ливень прошел.

Сендер. — Талмуд не запрещает, и после звезды начать яству [трапезу].

Авраам. — Делать нечего, подождем Михеля. Я к себе пойду молиться. Годе, уложи ребенка в постель, мы её разбудим к общей трапезе.

Уходит.

Годе. — Пойдем, Пешенька, пойдем.

Пеша. — Мне спать хочется...

Годе уводит Пешу.

ЯВЛЕНИЕ III.

Моше, Сендер, Сарра, Ципа, позже Шпуль.

Сарра. — Отец, зачем ты солгал старику?

Моше. — Сарра, дочь моя, не пристало так говорить своему отцу.

Сарра. — Ты сказал неправду. Ты на Бога взвалил свое дело. Михель пошел присмотреть, как будут переносить контрабанду чрез границу, и Йошке тоже... Ты это знаешь, а говоришь, что Господь задержал его грозой.

Моше. — Я тебе повторяю, что дочь не смеет осуждать поступки отца.

Сарра. — Я не осуждаю тебя, я только спрашиваю; дочь может спрашивать отца, чтоб научиться, на то отец умнее дочери... Сейчас старик читал мне громко из книга пророка Иезекииля, и так возвышенно и чисто было у меня на душе... Вдруг загорелась молния, мне чужалось присутствие самого Бога и ангелов Его; и слышала голос Его в раскате грома, и страшно было и так хорошо, так хорошо, так величественно!.. Но когда мы пришли сюда, и ты

стал лгать Аврааму, все перемешалось как-то в голове, я не понимаю...

Ципа. — Опять у неё сумасшедшие мысли пошли.

Сарра. — Почему ты называешь их сумасшедшими?

Ципа. — Не женское дело заниматься учеными рассуждениями... Женщина должна о хозяйстве думать, а не талмуд толковать.

Сарра. — Я не хуже тебя буду хозяйкой, когда выйду замуж. Я хорошо умею различить каширное мясо от трефного и выбрать хорошую щуку; я могу испечь субботвие [субботствие, субботу] и праздничные хлеба и вкусные лепешки, — и все сделаю, что велит закон. Но день субботний для Бога, как у мужчины, так и у женщины.

Моше. — Не обижай ее, Ципа. Сендер не пожалуется на неё, когда на ней женится. У женщины тоже могут быть высокие мысли, в этом греха нет. Только почему же, дочка, тебя так смутило, что я не хотел сказать правду старику? Старик Авраам собрал нас всех сюда в свой дом, чтобы справлять шабаш, — его бы огорчило, если б он узнал, что мой племянник, Михель, пошел с контрабандистами. Зачем огорчать старика? Бог завещал нам почитать старость: лучше солгать, но не огорчать. В библии много примеров тому, как добрый обман бывает нужен.

Сендер. — Когда Богу угодно было, чтоб права первородства были даны сыну Исаака, Иакову, вместо Исава, их мать окутала руки Иакова шерстью козленка и подвела к слепому отцу; он ощупал руки, подумал, что это волосастые руки Исака, и благословил, младшего сына на первородство.

Сарра. — Это не то же самое. Ты сам говоришь, что так Богу было угодно; разве Богу угодно, чтоб Михель шел с контрабандой сегодня?

Ципа. — Что ты зазываешь зло на моего мужа?

Сарра. — От рассуждения зла не бывает; рассуждения оберегают от зла.

Ципа. — Молчи, пожалуйста, молчи... (Удар грома) И без того страшно, что в этакую грозу задумали возиться с контрабандой.

Моше. — Какой там страх! Гроза нам защитник: в такую погоду стражники не любят ходить по границе; таскай какие хочешь тюки, никто не остановит. Бог послал сегодня и дождь и гром нам на поживу.

Ципа. — Трудно эта пожива дается, бросить бы надо проклятое дело; каждую минуту дрожишь за вас: как бы стражник не застрелил, или в тюрьму бы не попали. Самое опасное дело контрабанда.

Моше. — Бог дает всякую работу, всякую и надо делать.

Ципа. — Все-таки выбирать, которая не такая страшная. Какие есть выгодные аферы и бояться нечего, когда все без риска. Ты сам деньгами торгуешь и всякой торговлей торгуешь, где не может быть никакого несчастья.

Моше. — Как не пользоваться, когда тут под рукой граница?

Ципа. — Надо пользоваться, только без риска. Вон мой дядя, Ипша, подслушивает на железной дороге в вагоне, как пассажиры рассказывают друг другу, у кого есть запрещенный товар, и доносит начальству таможни... и коли найдут запрещенный товар, Ипше награду дают за донос. Ипша и за границу на маленькое время выезжает, чтоб узнать, какие пассажиры про свой запрещенный товар говорят.

Моше. — Гнусный червяк твой Ипша! Он везде ползает, где можно без труда что-нибудь схватить; он гадкий трус.

Ципа. — А зачем быть храбрым? Лучше немножко выгоды, да верно.

Моше. — Это суждение слабой женщины.

Ципа. — С вашей контрабандой всегда жди гибели.

Моше. — Как на войне... или гибели, или победы. Тут все есть: и опасность, и хитрость, и радость!.. Передо мной один раз молнией дуб разбило; близко разбило, гром, такой ужас! А мне было весело; я себе думал: ну, теперь стражник ловить меня не станет, иди спокойно с товаром домой.

Ципа. — Ай, вай! Как страшно!

Моше. — Старик я стал теперь, ревматизмы у меня, все кости ломает, а прежде я такие доставал дела, поверить невозможно. Бывало дух захватывает, как на эту охоту отправляешься. В грозу-то что! в грозу легче уйти; а то, случалось, мертвая тишина кругом... пробираешься по кустам-то, на сучек наступить боишься, чтоб не затрепал... трясешься весь, так сердце и колотить... и не чувствуешь, что тук в четыре пуда на плечах... все идешь, все идешь... каждый камень знаешь: вот уж до большого булыжника добрался, ух!.. вот прошел мимо двух кирпичей сломанных... стало быть близко, близко: за старой сосной и дом видишь, в сорока шагах, стрелой бы к нему полетел... да нет, бежать хуже, заметить могут, надо змеей ползти, и ползешь, и ползешь... так, когда в горницу ворвешься, даже кровь в голову кинется, без памяти на лавку упадешь.

Ципа. — Этакie страсти переживать!.. И какая вам нужда? — вы оба богатые, и ты, и Михель: сидели бы в городе, неустойку бы с помещиков взыскивали, да проценты...

Моше. — У нас и отцы контрабанду таскали: слышишь какой случай очень выгодный, не удержишься сидеть. Ох, у меня ревматизмы, я бы сам вместо Михеля пошел... Как он долго не идет!

Ципа. — Только бы не случилось какого несчастья.

Моше (Глядя в окно) — Льет дождик.

Ципа. — Что я буду без мужа!.. сирота я буду оставленная! Господь Вседержитель!

Моше (Прислушиваясь к окну) — Тише, слушайте... звонки гремят.

Шмуль вбегает.

Шмуль. — Господин, подъехали какие-то люди к дому.

Сендер. — Может быть, Михель?

Шмуль. — Нет. У лошадей колокольчик. Я думаю, полиция.

Сендер. — Запри дверь скорей.

Шмуль запирает.

Ципа. — Видите, видите! Я говорила, будет несчастье.

Сендер. — Надо отца позвать сюда. Старика Авраама всякое начальство уважает; ему всегда во всем верят.

Моше. — Погоди; надо узнать, кто там приехал.

Следователь. (За сценой) — Отворите.

Моше. (Прислушиваясь) — Тсс!

Следователь. — Отоприте!.. Кто тут есть?

Сарра. (Быстро) — Это господин Горанин.

Моше. — Наш судебный следователь! Зачем?

Ципа. — Михеля схватили!

Моше. — Тсс!

Следователь. — Отопрете ли вы, черти!

Моше. — Не уходите, женщины. Все оставайтесь, я его пущу.

Отпирают дверь: входит следователь.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и следователь.

Следователь. — Кто тут заперся? Даже в такую непогоду не пускает.

Моше. — Извините, пожалуйста, Александр Петрович, здравствуйте... не знали, что вы, нескоро отворили.

Шмуль уходит.

Следователь. — Батюшки, да тут наши городские... Господин Гольденвейзер, как вы сюда попали? ещё в такую грозу?

Моше. — Мы собрались сюда шабаш справлять.

Следователь снимает плащ.

Ципа. (Тихо Сарре) — Ты с ним знакома, Сарра. Спроси, что ему надо?

Сарра выступает.

Следователь. — А, и Сарра Моисеевна тут! Здравствуйте. Приятный сюрприз. Только, как это странно: ведь вы живете в

городе, у вас там превосходный дом; зачем вы сюда приходите справлять шабаш?

Ципа. — Шабаш можно везде справлять, хороший господин.

Моше. — Здесь живут родители рабби Сендера. Рабби Сендер будет мужем моей дочери, Саррочки, так мы собрались...

Следователь. — Вот что?.. Все неожиданности. Вы замуж выходите, Сарра Моисеевна? у вас есть жених?

Сарра. — Я Богом не отвержена. Какая же честная девушка не имеет жениха?

Следователь. — Поздравляю вас. Познакомьте меня с вашим женихом.

Сендер. — Я жених Сарры.

Следователь. — Вы?.. вы... не думал я, что здесь встречу... жаль...

Ципа. (Моше тихо) — Отчего жаль? что он жалеет? спроси его, зачем он приехал?.. Господи!

Моше. — Славен будь Господь, указывающей нам нашу дорогу!.. Вы отчего заехали сюда в такую бурю?

Ципа. — Садитесь, господин, садитесь... скажите нам, что вам надо?

Следователь. (Садится) — Гроза меня сбила с пути. Я у помещика был за десять верст; да непременно надо вернуться сегодня домой в город... а тут колесо соскочило, ехать дальше нельзя... Дайте мне фонарей, да помогите сыскать колесо.

Ципа. (Нагло) — Так вы только так, только ездили кататься... и стучитесь к честным евреям, когда у них шабаш?

Следователь. — Куда же мне стучаться? тут кругом поле.

Ципа. — Да, это хорошо бы тоже было: вы бы молились, а мы бы в вашу церковь, евреи, прибежали, закричали бы: идите наши телеги поправлять!

Следователь. — Что это за сумасшедшая у вас, господин Гольденвейзер?

Моше. — Она от благочестивого рвения так говорит... В шабаш нам запрещено что-нибудь делать, — мы не можем вам помочь.

Следователь. — Как? Просто поискать колесо?

Сендер. — Мы не можем... закон священный строго предписывает посвящать субботу размышлению, молитве, отдыху и еде.

Ципа. — А наш закон все чиновники уважают... и сам Государь Император уважает?.. У нас генерал-губернатор, через город проезжал, в синагоге был... вы сами слышали, что он сказал, чтоб евреев в субботу не трогали.

Следователь. — Разве это работа? — посветить.

Моше. — Вон фонарь, берите, зажигайте сами, а мы не можем.

Входит фурман.

ЯВЛЕНИЕ V.

Те же и фурман.

Фурман. — Пане, никак ничего нельзя сделать. Я жидка поймал в сарае, работника, он не идет со мной искать колесо, говорит шабаш; а без колеса не доехать. Где его отыскать теперь? темно, як в могиле.

Следователь. — Возьми вон фонарь. Зажги и сам поищи. Да лошадей привяжи.

Фурман. — Лошади не уйдут, силу потеряли, устали очень.

Уходит.

Ципа. (Тихо Моше) — Послать бы с ними Шмульку; он тут, из милости живет в работниках, какой он еврей? что ему шабаш?... Если они долго проищут, вдруг придет Михель с товаром...

Моше. (Ей тихо) — Михель войдет из сада. Я постерегу его у заднего крыльца.

Ципа. (Громко) — Ну, вы как хотите, а я в кухне посижу, пока у нас тут нежеланные гости нашим домом распоряжаются.

Уходит.

Следователь. — А разговаривать ваш закон в шабаш не запрещает?

Моше. — Благопристойный разговор всегда Богу угоден.

Следователь. — Я это вижу по словам вот почтенной дамы, которая сейчас отсюда вышла.

Моше. — У неё язык резкий, но душа у неё добродетельная. На слова не гневайтесь: всякому тяжело, когда его духовный размышления прерывают. И меня извините, что я уйду.

Уходит.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Следователь, Сендер и Сарра.

Следователь. — По крайней мере вы не уходите, Сарра Моисеевна. Вы все меня как будто избегаете, даже когда мне случается приходить в ваш дом. С фонарем фурман сейчас найдет колесо, и я уеду. Дайте мне полюбоваться вашей красотой, благо уж такой счастливый случай...

Сарра. — Если вы хотите говорить со мной, вы не должны меня оскорблять и заставлять краснеть.

Следователь. — Что же я сказал оскорбительного?

Сендер. — У нас, у евреев, святое писание запрещает заглядываться на чужих жен. Пей воду, текущую из твоего колодезя, и не разливай источники твои по улице, говорится в притчах Соломона.

Следователь. — Виноват, прошу простить. Я не знал, что вы ревнивы. Но Сарра Моисеевна вам ещё не жена.

Сендер. — Это все равно. Обещание на брак у нас так же крепко связывает, как самый брак.

Следователь. — Стало быть, судьба ваша, Сарра Моисеевна, бесповоротна. (Сендеру) Счастливый же вы человек, что вам удалось пленить такую завидную невесту.

Сарра. — У нас родители решают брак. Дети евреев послушны отцам.

Следователь. — И вы думаете, что родители всегда умеют устроить счастье детей?

Сарра. — Так говорит священный закон. Послушание родителям приносит благословение Божье.

Следователь. (Сендеру) — Хорошие у вас родители, постарались об вас. Вы, конечно, довольны их выбором.

Сендер. — По толкованию талмуда: спускайся ступенью ниже, когда выбираешь жену, и поднимайся ступенью выше, когда выбираешь друга; потому мы, евреи, всегда должны быть довольны своей женой.

Следователь. — Так вы считаете Сарру Моисеевну ниже себя, и говорите это ей прямо в глаза?.. Я вижу, вы ученый муж и знаете себе цену.

Сендер. — Бог наделил меня богатыми знаниями, я раввин, — меня почитают мои единоверцы.

Следователь. — Стало быть, вот причина этого брака... вам дают в мужья, Сарра Моисеевна, прямо представителя премудрости израильской. Вы этому рады?

Сарра. — Если б мои желания расходились с желаниями моего отца, так не было бы у меня послушания.

Следователь. — Да, вы умная девушка и кровная еврейка: вы умеете ответить так, чтобы не сказать неправды и скрыть истину... изворотливость — это первый талант вашей нации.

Сарра. — Я не понимаю, что вы говорите, но я чувствую, что вы хотите сказать что-то нехорошее про евреев, и это мне больно.

Следователь. — Отчего же именно нехорошее? ведь это дело взгляда. Что для иного дурно, то для другого хорошо. Изворотливость приносить выгоду, а выгода приятна, и для еврея она первая вещь. Еврей должен считать изворотливость большим достоинством.

Сарра. — Еврей из-за выгоды не поступить против своего закона.

Следователь. — Но, когда хочешь выгоды, закон можно и обойти. Вы это видите чаще меня.

Сарра. — В чем?

Следователь. — Да в чем хотите... Вот вы каждую субботу справляете свой шабаш по всем строгим правилам талмуда, но, Боже мой, чего только вы не придумываете, чтоб эти правила не мешали вашей выгоде и оставались только одной буквой закона. Вы письма не распечатаете своими руками в субботу — это запрещено; но если нужно, ничто не мешает, чтоб его распечатал вам и прочитал какой-нибудь христианин, приятель или слуга. Тут запрета нет; и закон соблюден, и выгода.

Сендер. — Это позволено.

Следователь. — Вы всегда найдете способ позволить себе то, что вам нужно, и запретить то, чего не хочется. Вам закон предписывает в субботу отдыхать от дел, чтоб душа была занята добрыми мыслями, чтоб оглянуться на свои проступки, а кто же из вас так справляет субботу?.. Вы не выходите из дому, вы жжете свечи, вы едите субботние кушанья, но чем душа занята...

Сендер. — Для еврея добрые мысли те, которые приносят добро евреям.

Следователь. — И зло и гибель всем остальным?.. Слышите, Сарра Моисеевна, что проповедует ваш талмудист? Какое счастье иметь такого мужа!.. А впрочем, простите, не следовало мне это все говорить. Не глядите на меня так печально; простите, я чувствую, что я бестактен... это невольно как-то... я не знаю, почему, когда я нас вижу, все эти вопросы приходят в голову... Вы мне представляетесь такой искренней в ваших взглядах на ваши обязанности, честной даже в ваших заблуждениях... я боюсь, что эта ваша добродетель... (Меняя внезапно тон) В сущности какое мне дело?.. Повторяю, я признаю себя бестактным и прошу меня

извинить. Что это мой фурман как долго ищет колесо? пойти помочь ему.

Сарра. — Погодите... Скажите...

Следователь. — Что?

Сарра. — Скажите, что хотели сказать... Чего вы боитесь?

Следователь. — Зачем? Не все равно?

Сарра. — Прошу вас. Если все равно, отчего не сказать?

Следователь. — Да пожалуй, я своих мыслей не скрываю. Я бы только не желал вам сделать неудовольствие.

Сарра. — Когда я сама прошу.

Следователь. — Извольте... Я боюсь, Сарра Моисеевна, что именно ваша добродетель заставить вас поступить неумно и сделает вас несчастной. Мудрость жизни не в одном талмуде, не только в том, что вы берете на веру от ваших учителей; вы должны и сами обсуждать, что хорошо, что дурно.

Фурман входит.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Те же и Фурман.

Фурман. — Пожалуйте, пане, нашел колесо; все справил, можно ехать... и дождик стал маленький.

Следователь. (Сендеру) — Прощайте, счастливый жених. (Сарре) — До свиданья, Сарра Моисеевна.

Уходит с фурманом.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Сарра, Сендер, потом Моше и Ципа.

Сарра. — Сендер, отчего ты не отвечал ему на все его оскорбления? Неужели не хватало у тебя мудрости и знания, чтоб доказать ему, что он говорит неправду?

Сендер. — Мудрость моя и знание мое для евреев, а он не еврей; оттого слова его не могут быть оскорблением для нас.

Сарра. — Ведь и не евреям Бог дал разум; как же мы можем не спорить с ними и не оправдываться, когда нас бранят?

Сендер. — Если собака на улице будет на меня лаять, я не стану ей говорить, чтоб она не лаяла, я убегу.

Сарра. — Но ты тоже не пойдешь собаке кланяться, чтоб она тебе помогала в твоих делах.

Входят Моше и Ципа.

Моше. — Уехал!

Ципа. — Как он меня испугал; я уж думала, что-нибудь случилось с Михелем. Пускай бы у тебя ось переломилась!

Моше. — Сломается ось, он опять сюда воротится.

Ципа. — Нет, нет. Вот Господь Саваофе! помоги ему доехать до дому благополучно.

Сарра. — Если с Михелем случится несчастье, так это оттого, что он пошел таскать контрабанду в субботу.

Ципа. — Что она говорит?

Моше. — Михель сам ничего не будет таскать. Чтоб таскать тюки, у нас раньше субботы наняты гои, христиане. Михель праведный еврей; он будет идти рядом и смотреть.

Сарра. — Какая тут разница? Ведь контрабанда для него и для тебя, а не для наемников, которые несут; значит, вы работаете, а не они.

Моше. — Михель не коснется рукой до товара.

Сарра. — Разве закон Моисея запрещает только, чтоб руки трудились, а голова, ум, глаза не должны отдыхать в субботу?.. Наемники то же, что утварь. Когда ты в горшке варишь похлебку, разве ты говоришь, что варить горшок?.. Ты показал наемникам, куда идти и что нести: твой ум, твой приказ, твое и дело.

Моше. — Такого толкования в священных книгах нет.

Ципа. — Ударь ты её по щеке, чтоб у неё язык отнялся. Что она богохульствует?

Сарра. — Оттого, что ударишь, справедлива не будешь.

Ципа. — Да что ты?

Моше. Тише, женщины, тише. Сарра, смири свой дух; не мудрствуй лукаво о том, чего не разумеешь.

Входить Шмуль. Он взволнован.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Те же и Шмуль.

Шмуль. — Господин, что-то нехорошо! Что-то очень нехорошо!..

Моше. — Чего ты испугался?

Шмуль. — Когда был следователь, я там на чердаке глядел в одно окошечко, и вдруг... я слышу... страшно так... стреляют... где-то стреляют.

Моше. — Близко отсюда?

Шмуль. — Не знаю... я только слышал, стреляют, и потом кто-то очень кричал... страшно кричал.

Ципа. — Михель!

Шмуль. — Я не мог различить голос; мне было так страшно, так страшно!..

Моше. — Следователь слышал?

Шмуль. — Нет. Когда следователь садился в телегу, все было кончено, и он поехал к городу. Стреляли, когда он здесь сидел... я потом, когда он уехал, немножко подождал... теперь больше не слышно.

Моше. — Может быть, это Михель столкнулся со стражниками...

Ципа. — Ах, я несчастная! ах, я самая несчастная во всем свете женщина!.. (Сарре), Это ты, отступница, все звала несчастье! за тебя он будет страдать!..

Сарра. — Перестань кричать. Надо скорей узнать и помочь им.

Моше. — Ах, кабы не дождик... Я не могу в дождик... если я промокну, я слягу в постель от ревматизма, я совсем болен буду...

Сарра. — Пускай идет Шмуль; он слышал, откуда кричали.

Шмуль. Я один не пойду; мне страшно.

Сарра. Сендер пойдет с тобой. Сендер, ты один здоровый мужчина остался, ты пойдешь со Шмулем.

Сендер. Я клятву дал, что не выйду из дому ни в одну субботу.

Сарра. — Михель еврей, да ещё родственник. Ты сам говорил, что закон разрешает выйти из дому в субботу, когда надо спасти еврея.

Сендер. — Клятва перед Господом должна быть важнее всяких добрых дел.

Сарра. — Скажи лучше, что ты боишься выйти... стыдись! Шмуль лучше тебя: он прямо говорит, что ему страшно.

Ципа. — Сендер, Сендер, иди, ищи Михеля! какие там клятвы, когда твой брат течет кровью!

Сендер. — Ни для кого я клятве не изменю.

Сарра. — Так я пойду. Я знаю, что Богу и ангелам Его будет радостно на небеси, если не дадут погибнуть одному из сынов Его. Бери фонарь, Шмуль.

Накидывает верхнее платье.

Ципа. — Ида, иди, Саррочка! ты хорошая, ты храбрая, ты самая праведная еврейка; Бог приготовит тебе место на небе. А я, скверная женщина, бранила тебя...

Моше. — Ты могла бы сама идти: Михель тебе муж, а не ей.

Ципа. — Ох, да! я могла бы... но у меня нет такой храброй души; я скверная женщина... что я могу без мужа?.. муж меня кормит, меня одевает... Саррочка, прости меня, прости меня...

Сарра. — Надо взять кувшин с водой и полотенце, могут понадобиться... Шмуть, неси фонарь.

Моше. — Если встретите кого, скажите, что в доме больной. Если увидите стражников, отойдите. Стражники подстреленного не оставят в поле; а вам не надо себя выдавать, чтоб потом нас не притянули к контрабанде.

Шмуть. — Кто-то идет в сенях...

Быстро входит Михель.

ЯВЛЕНИЕ X.

Те же и Михель.

Моше. — Михель!

Ципа. — Слава Всевышнему! слава ему в небесах и сонму ангелов Его!

Моше. — Отчего ты так долго не приходил и идешь прямо с крыльца? где Йошке? где люди с товаром?

Михель. — Все пропало... я едва убежал... Дайте сесть, на ногах не стою...

Моше. — На стражников наткнулся?

Михель. — На целый конвой... работники бросили товар... их хватили... драка началась...

Моше. — Есть арестованные? они нас выдадут...

Михель. — Нет, кажется, все разбежались... Йошке тоже убежал... Да контрабанда пустяки... что случилось — хуже контрабанды.

Моше. — Но товар весь пропадет?

Михель. — Пропадет.

Моше. — На пять тысяч рублей слишком!

Ципа. — Не лучше ли было эти деньги на проценты отдать?

Михель. Деньги вернутся... Я вам говорю, есть хуже, гораздо хуже... Шмуль, иди в сени, прислушивайся, не идет ли кто; сейчас крикни.

Шмуль уходит.

Моше. — Что же хуже?

Михель. — Я одного стражника убил... (Сарра выкрикиват), Не бойся, Сарра, меня не видали в темноте, меня не узнают... Да, когда я увидел, что нам плохо, я побежал, а двое стражников за мной... вижу, близко, захватят... я выхватил револьвер... выстрелил три раза... один упал, другой остановились... я в это время добежал до кустов. Они тоже стреляли, но я кустами пробрался.

Сарра. — А убитый?

Ципа. — Вот сумасшедшая, она, кажется, хочет бежать ухаживать за стражником.

Михель. — Его приберут... Но сюда могут сейчас прийти. Дайте мне скорее переодеться.

Сендер. — Пойдем.

Моше. — А мокрое платье и сапоги кинь где-нибудь на дворе, под дождь, как будто днем выветривали и там забыт... и вытри все, где

будешь переодеваться. Если станут обыскивать дом, чтоб не привязались. А где револьвер?

Михель. — Я потерял его в кустах.

Моше. — Найдут... не хорошо...

Сендер. — Скорей, скорей, пойдем.

Она уходит.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Моше, Ципа, Сарра, потом Авраам и Годе.

Сарра. — Убитый! убитый!.. вот что вы делаете в шабаш...

Ципа. — Ну, уж не разговаривай больше об этом. Ты это должна забыть.

Моше. — Может быть, он только ранен.

Ципа. (Сарре) — Поставь кувшин на место да разденься; что ты совсем разум потеряла?

Сарра снимает верхнее платье; входит Авраам, Годе и Пеша.

Авраам. — Моше, дольше нам нельзя дожидаться Михеля. Шабаш давно наступил, пойдемте к столу.

Моше. — Михель пришел, он разговаривает о чем-то с Сендером.

Авраам. — Собирайтесь же сыны Израиля.

Говорит вдохновенно и почти нараспев:

В едином слове: «соблюдай и помни»,

Нам на Синае Бог законы дал.

Един Господь! Его едино имя!

Из века в век во славе он сиял.

Встречайте же субботу, как невесту

Идет встречать восторженный жених.

Суббота есть источник благодати

И бытия, и помыслов святых.

Уходить с Пешей и Годе.

Сарра. — Бедный старик! Если б он знал, какие помыслы сегодня у его близких, он разорвал бы одежды свои, и вместо веселья и радости, посыпал бы голову пеплом и рыдал бы!

Моше. — Перестань же, Сарра... отбрось черные мысли, встречай святой праздник с веселым лицом. Идите к столу.

Сарра. — Я не могу есть и быть веселой, я думаю об убитом.

Ципа. — Ты не должна думать. Будешь охать да ахать, кто-нибудь подслушает, попадешь с тобой в беду.

Моше. — Идите! идите...

Сарра и Ципа уходят, входит Шмуль.

Шмуль. — Господин, я наверно это не могу сказать, но мне кажется, к дому идут люди. Я в темноте видел, точно двигается кто-то, и голоса слышать... надо крепко запереться.

Моше. — Нет, напротив: оставь отпертыми, и сени и эту дверь. А сам останься здесь справлять шабаш.

Торопливо входит Сендер и Михель переодетый.

Сендер. — Какие-то люди идут к дому, может быть, полиция.

Моше. — Пускай войдут! Они нас застанут за святым обрядом... Занимайте места у стола.

Отдергивает занавес. В глубине длинный стол с кушаньями и зажженными свечами. За столом стоят в середине Авраам между Пешей и Годе, справа Шмуль и Ципа, слева Сарра. Сендер становится между Пешей и Саррой, Моше в конце стола слева перед Саррой, Михель справа подле Ципы.

Авраам — возглашает:

Привет вам, ангелы служения,

Ангелы Всевышнего, Царя Царствующих,

Всесвятого.

Все — поют хором:

Да будет он благословен.

Придите с миром, ангелы мира!

Ангелы Всевышнего, Царя Царствующих,

Всесвятого.

Да будет он благословен.

Шум за сценой, слышны голоса: — «Сюда, сюда... здесь светло! »
Входят Антонов и второй стражник.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Те же и стражники.

Антонов. — Сюда! сюда!.. Что это тут?.. А! шабаш...

Второй стражник. (В кулисы) — Неси, неси осторожней...

Вносят на носилках убитого стражника. Пение смолкает.

Антонов. — Ну, уж не гневайся, дед Авраам, что потревожим сегодня; у нас беда стряслась... вот так беда!.. Разбойник какой-то, дьявол... застрелил... пока здесь положим... Дайте телегу, в город везти.

Авраам. — Боже Всесильный! что посылаешь нам в такой час?

Закрывает лицо руками, опирается на Годе. Моше выступает; Сарра за ними выходит вперед.

Моше. — Идите рядом, в другую комнату, берите во дворе лошадь и телегу, распоряжайтесь сами. Мы не можем прервать молитву.

Антонов. — Что? жив еще?

Второй стражник. — Какое? не шелохнется... помер.

Антонов. — Вот горе! вот горе!..

Второй стражник. (Тихо первому) — Обшарить бы дом-то, — не найдем ли улики... не сюда ли скрылся убийца?

Антонов. (Ему тихо) — Обшарим... (Громко) — Несите.

Сарра. — Поддержи меня, отец! мне дурно...

Моше. — Пойте молитву! молитву громче!..

Поддерживает Сарру. Все — кроме Сарры и Авраама, поют:

Благословите меня миром, ангелы мира!

Ангелы Всевышнего, Царя Царствующих,

Всесвятого.

Да будет он благословен.

Последнюю строку повторяют. Стражники уносят убитого.

• • • •

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Богатая гостиная у Моше.

ЯВЛЕНИЕ I.

Сендер; Моше — входит. Позже Сарра.

Сендер. — Где ты был такое долгое время? Я не знал, что и думать.

Моше. — Да, да, старый Моше постоит за себя; старый Моше лучше всяких молодых справит дело. Пока старый Моше жив, евреи у нас в городе могут спать спокойно; он не даст в обиду единоверцев.

Сендер. — Господь и воздаст тебе за твое благоразумие: дом твой самый богатый в городе.

Моше. — Господь благословляет, когда при благоразумии есть и смелость. Вы все тоже очень благоразумны, но смелости у вас нет, какая у нас была, у прежних людей. Я в молодости чего не испытал? — женщиной переодевался, в стог сена прятался, чуть не задохся, и казак мог меня пикой проколоть. Оттого для меня было все возможно, что другому чудом покажется.

Сендер. — В опасности нет благоразумия.

Моше. — Тому, кто колеблется.

Сендер. — Писание велит быть осторожным во всякий час. Впрочем теперь спорить некогда. Что же ты сделал?

Моше. — Я сделал то, об чем вы все толкуете и чего не делаете; нет у вас смелой догадки. Я именно позаботился об осторожности. Теперь следователь может обыскать все еврейские дома, если ему будет угодно; он не найдет ни одного аршина контрабандного товара. Все склады очищены; где что было, все отослано в Петербург. Какие же теперь доказательства, что евреи ведут контрабанду? Стало быть, и стражника убил не еврей.

Сендер. — Так теперь даже было бы хорошо направить следователя на мысль, чтоб он обыскивал подозрительных людей. Он, может быть, у своих же единоверцев найдет контрабанду и их будет подозревать.

Моше. — Ай, ай, чего ещё я не догадался... жаль, жаль... Умная твоя мысль. Мне бы надо было продать один тюк кому-нибудь из русских купцов.

Сендер. — Какой тюк?

Моше. — Хе, хе, хе... я ведь увез эти тюки, которые носильщики-то побросали. — да. Ты бы и подумать не смел, а я сделал. Я разузнал, что следователь поедет сегодня в десять часов осматривать, где случилось убийство, а я в шесть часов утра в шарабане туда поехал, один. У кого в мыслях может быть, что богатый коммерсант едет тюки подбирать?... Мне Михель сказал, что их в овраг бросили. Спокойно их подобрал, ни души не было в поле. Стражники в суматохе голову потеряли, пошли в город провожать убитого. Теперь тюки едут в Петербург.

Сендер. — Моше! ты удивительный человек, ты гениальный!..

Входит Сарра и останавливается в глубине.

Моше. — Ай, как жалко! Как жалко, что я не продал русскому купцу из этого товара шелковую материю. Там была одна такая

материя самого нового рисунка, на таможне её знают... Если б следователь нашел её у русского купца, было бы сильное подозрение, что субботняя контрабанда и убийство его дело; а евреи были бы совсем в стороне. Ах, как жалко, не догадался.

Сендер. — Купец сказал бы следователю, что получил товар от тебя.

Моше. — Чем он это может доказать?.. Под присягу пойдет? — и я присягну, что ничего не знаю. Почему ему больше верить можно, чем мне?

Сендер. — Так все благополучно! слава Всевышнему!

Сарра. (Выступая) — Не богохульствуй, Сендер! какое благополучие, когда убит человек.

Моше. — Ты подслушиваешь наши беседы?

Сарра. — Ухо слышащее и глаз видящий — все создано Господом, как же мне не слышать? Вы радуетесь громко, и чего вы радуетесь, когда на вашей душе смерть?

Сендер. — Умер не евреи, чего же нам печалиться? Пусть печалятся те, кому он был дорог.

Моше. — Каждый день люди умирают, и стражник все равно умер бы немножко позже; перед вечностью разница не велика. Зачем он сунулся под пистолет?.. Не убили бы его, он бы убил Михеля; лучше, что Михель остался жив... и ты тоже должна этому радоваться. Что тебе нужно? зачем ты сюда пришла?

Сарра. — Я сидела в моей комнате у открытого окна, пробежал Шмуль и шепнул мне, чтоб я тебе сказала, что следователь нашел револьвер, которым убит стражник.

Моше. (С ужасом) — Револьвер!

Сарра. — И какой-то оружейник сказал, что этот револьвер недавно чинили в твоей слесарной мастерской.

Моше. — У меня!.. Это страшная новость... я о револьвере совсем забыл... это страшная новость!

Сендер. — Доберутся до Михеля, всем нам будет плохо...

Моше. — Постой, постой... надо придумать... надо что-нибудь такое придумать... во всякую минуту надо быть готовым к ответу...

Сендер. — Глупый Михель! как можно было терять такую улику.

Моше. — Постой... да... да... другого средства нет... конечно, деньги придется платить, много денег придется платить...

Сендер. — Кому?

Моше. — Но другого средства нет... Иошке!.. ведь он убежал за границу... Постой, это даже хорошо выходит: надо намек сделать, что убийца Иошке... а для кого контрабанда, этого не узнаешь. Иошке пустой человек, не для одних евреев работает: у него продажная душа...

Сендер. — За убийство могут арестовать и за границей, и сюда привезут; тогда нам ещё хуже будет.

Моше. — Надо торопиться спрятать Иошке... Пускай он в Африку уедет, теперь много едет евреев в Африку. Только дорого будет стоить.

Сендер. — Ограбить нас Иошке, как почувствует, что в его руках спасение Михеля и всех, он кровь нашу высосет...

Моше. — Ну, ну, это ещё не так; для Иошке тоже лучше с маленькими деньгами уехать в Африку, чем на нас доносить; он сам замешан в дело.

Сендер. — Иошке платить большие деньги!.. этому нищему негодяю, которого мы гоняли, как грязного пса; теперь кланяться ему будем и платить деньги?

Моше. — Когда необходимо.

Сендер. — Такую низкую гадину можно устранить и без денег.

Моше. (Размышляя) — Устранить?

Сендер. — Иошке вечно пьян, любит, чтоб его угощали; чего легче завести его куда-нибудь и дать такого питья, чтоб он никогда не проснулся.

Сарра. — Отравить?

Сендер. — Об этой скверной падали никто и заботиться не будет: отчего он умер? Скажут спился, похоронят. На мертвого то ещё легче будет свалить убийство стражника.

Сарра. — Сендер, что ты говоришь? можно ли так думать?

Сендер. — Как же думать иначе?.. Когда хочешь, чтобы виноград созревал наилучше, обрезай сухие ветки и бесплодные побеги. Когда тебе приходится выбирать между двумя людьми, неужели ты не предпочтешь праведника нечестивому? неужели стоит говорить об Иошке или стражнике, когда надо сберечь Михеля?.. Вол тоже создание Божие, и больше от него пользы, чем от Иошке, и все-таки ты вола убиваешь, чтоб тебе было хорошо, чтоб было у тебя мясо для еды и кожа для одежды. Пускай лучшие люди живут, и если для этого нужно, чтоб худшие умирали, — пускай умирают.

Сарра. — Бог сказал: не убий.

Сендер. — Но он не сказал, кого не убий.

Сарра. — Ты изворачиваешь писание, ты говоришь бесчеловечные вещи... мне невыносимо тебя слушать.

Моше. — Невыносимо? Сарра, какая же ты будешь жена ему после этого?

Сарра. — Я не знаю... Я выросла в страхе Божьем, в повиновении тебе, не прекословя, как закон велит еврейке; я не смею иметь никакой воли... Ты дал мне его женихом, — я покоряюсь; но мне трудно, очень трудно: мой разум возмущается, чем больше я думаю

о том, как вы живете. Ложь, обман, подвести невинного под ответ, наконец убить... и одного, и другого, — и всякого, если нужно... чтоб не мешали вам... Я должна верить, что вы говорите истину, что так должно быть: ведь один из вас мой отец, другой мой будущий властитель... Но я не могу сломать свою душу: мне все это гадко, — меня смущает сатана... Убейте и меня, чтоб вам жилось хорошо, я вам тоже мешаю.

Моше. — Сарра, милая, успокойся. Я свезу тебя к Цадику, он святой человек, он во сне беседует с Богом, он тебя благословит.

Сендер. — Думай больше о хозяйстве, присматривай за домом, и дурные мысли сами улетят, как филин, который пугается дневного света.

Моше. — А как пойдут у тебя дети, да, благословит Бог, будет их много, так и времени не хватить, только бы поспеть одного умыть, другого одеть. Поцелуй меня, дочка, ты хорошая еврейка, ты свой долг знаешь. Дела житейские не для женщины, предоставь их мужу.

Входит Авдотья.

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и Авдотья.

Сендер. — Кто это?

Авдотья. — Я к барышне; извините, мне надо барышню.

Сарра. — Это по хозяйству, прачка моя.

Моше. — Пойдем ко мне в кабинет, Сендер; там обдумаем, что лучше сделать. Тут могут всякие люди прийти; запремся в кабинет.

Оба уходят.

ЯВЛЕНИЕ III.

Сарра и Авдотья.

Сарра. — Что тебе, Авдотья?

Авдотья. — Я вам обещала к сегодняшнему дню белье справить; не успела я, не до того мне.

Сарра. — Я подожду.

Авдотья. — Оно все вымыто и катано, и сухо, только выгладить осталось; у вас дома выгладят. Я все белье принесла, горничной отдала.

Сарра. — Зачем? в день или в два успела бы выгладить.

Авдотья. (Глухо) — Я больше на вас работать не стану.

Сарра. — Отчего?

Авдотья. — Не могу я. Теперь говорят, будто жида мово мужа убили, а я на жидов буду работать?

Сарра. — Как убили? когда?

Авдотья. — Неужто не слыхали? Вчера контрабандисты застрелили. Он вахмистром был пограничной стражи.

Сарра. — Так это твой муж?

Авдотья. — Вы же его знали; сколько раз он вам корзины с бельем таскал.

Сарра. — Господи! Вседержитель!

Авдотья. — Три рубля ещё осталось, да полтинник за вами, получить. (Сарра дает деньги. Авдотья взглядывает на них) ПЯТЬ рублей... Я вам сейчас сдачи принесу — разменяю. Как на грех, денег то в доме почитай что ни копейки... привезли мне его ночью...

Слезы мешают договорить.

Сарра. — Так это он был?

Авдотья. — Утешает меня начальство, жалеет его: такого, говорят, человека не найти. лучше их знаю, какой он был человек. Я за него замуж шла, от хорошего места отказалась, в кухарках была; мной господа не нахвалились, отпускать не хотели... «что ты, сумасшедшая, замуж идешь, на какую жизнь?... » Муж тогда в отставке был, без места; натерпелись мы... а ни чуточки я не жалела своего места... потому и мне плохо, и ему не хорошо; а я вижу, он куска в рот не положит, не подумавши обо мне, сыта ли Авдотья?.. Человек был смирный, работающий; теперь вот его в пограничную стражу взяли вахмистром на вторую службу, вздохнули мы... и такая беда. За что они, анафемы, без разума его со свету сжили? Жадность все, корысть... Они из-за денег контрабанду тащат, а я из-за этого навек погибшая, с сиротами с моими.

Сарра. — У тебя есть дети?

Авдотья. — Пятеро... Все погибнем... Не могу я на вас работать, видеть твою белья, сударыня, не могу: в каждой складочке, в каждой кофточке мне все кровь чувствуется мово Митрича.

Плачет.

Сарра. — Я не виновата.

Авдотья. — Знаю, что не виноваты... Все ж таки жида его извели, — ваше племя... Весь город за это на жидов остервенился. Мне солдаты говорят: «погоди! мы разнесем их жидовские гнезда»... мне то что оттого? нешто вернешь мово Митрича?.. Руки опустились! пущай и дети мрут...

Плачет. — Входит следователь.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и следователь.

Следователь. — А, Сарра Моисеевна, мое почтение... (Увидя Авдотью) И ты тут? зачем?

Сарра. — Вы её знаете?

Следователь. — Станный вопрос. Я веду следствие по делу смерти её мужа.

Сарра. — Она... она работала для меня... она работу принесла...

Авдотья. — Прощайте. Я сдачу горничной отдам.

Уходит.

ЯВЛЕНИЕ V.

Сарра и следователь, позже Моше и Сендер.

Сарра. — Вы... пришли к отцу... я скажу ему...

Следователь. — Что это какой у вас встревоженный вид?

Сарра. — Эта женщина... тут рассказывала... про своего мужа... и что в убийстве подозревают евреев... Вы понимаете, я не могла это слушать равнодушно.

Следователь. — Да, гнусное дело! совсем сгубили семью.

Сарра. — Она говорила, что эта история вообще возбудила злобу всего города против евреев. Если это разгорится, может дойти до еврейского погрома.

Следователь. — Чего мудреного.

Сарра. — Но почему же ко всем евреям... такая ненависть?.. Ко всем, ко всем... При каждом случае все евреи должны отвечать, — какая несправедливость!.. За что?.. Когда христианин сделает преступление, разве за это ненавидят его брата, отца, сестру, дочь, потомков до седьмого колена? разве кто из вас отвечает за грехи других?.. а нас, евреев, всегда смешивают заодно. Довольно подозрения на одного еврея, чтоб всех нас проклинять.

Следователь. — Кто же в этом виноват, как не сами евреи? Зачем же они так стараются отстаивать своего брата еврея, даже когда он сделает что-нибудь дурное?

Сарра. — Не может быть.

Следователь. — Не может быть, так и слава Богу. Не к чему об этом разговаривать.

Сарра. — А я бы хотела.

Следователь. — Напрасно. Вы и я, Сарра Моисеевна, к несчастью, люди разных планета. Вы выросли в этом кругу и не по одному рождению еврейка. Тут не одна религия, тут связь и правил жизни, и привязанности, и вражда. Отрывать вас от этого трудно, и больно для вас, да и цели нет, — пока вы сами не захотите оторваться.

Сарра. — Сколько презрения! Господи, сколько презрения — к жидам... а ещё вы себя всегда хотите выставить добрым. Так по-вашему мы, евреи, все какие-то скверные люди, не тот у нас мозг, и сердце, и кровь, как у вас? Мы неспособны ни к любви, ни к труду, ни к самоотвержению?.. Так что ли? говорите. Все, что евреи делают хорошего, это одно притворство и обман? так что ли по-вашему?

Следователь. — Нет. Как могу я отрицать у евреев человеческие качества, когда они встречаются у всех народов мира! Евреи, разумеется, способны на хорошее, как все, иногда даже больше способны, чем многие другие. Евреи очень привязаны к своей семье, практичны, выносливы, умеют работать, чутки к искусству, — но главное несчастье в том, что в их среде у многих ещё сохранилось наследие темной старины: прилагать добрые чувства только к своим, к евреям, а не ко всем людям. Веками это создалось и держится крепко. Еврей любит, — да; но он обязан любить только еврея, помогать еврею, спасать еврея... если он сделал зло еврею — он согрешил, но сделать зло христианину ему позволено... нам он враг, нас он может обманывать, губить, что хотите — и это не будет считаться преступлением. У таких евреев с нами нет общей жизни, ни общих интересов, ни общих желаний, — они живут отдельно своим племенем среди нас; у них все свое: свои взгляды, свой суд, свое начальство... они государство в государстве, и это государство наших врагов; нам они добра не пожелают.

Сарра. — А между тем эти враги вам служат и жертвуют деньги на ваши благотворительные учреждения. Сосчитайте, сосчитайте, сколько жидовских денег идет на ваших благочестивых христиан.

Следователь. — Неизмеримо меньше того, что евреи у христиан отнимают.

Сарра. — Зачем же вы позволяете отнимать у себя?

Следователь. — Трудно мирным людям бороться с кучкой врагов, которые крепко сплотились и постоянно ведут партизанскую войну... страшную войну, хуже всякой кровавой резни, потому что эта война не убивает сразу, а разъедает, как лишай; в этой войне сражаются не пушкой, не саблей, а самым жестоким оружием — золотом. Ваша благотворительность, ваше добро нам — только подкуп, всякого рода подкуп, чтоб развращать тех, от кого вы зависите, чтоб добиваться власти и поработать. Вы думаете, мы презираем вас? О, насколько больше вы нас презираете!.. Еврей вынесет всякое унижение перед нами, что ему! — унижаясь наружно, он в душе нас глубоко презирает... и унижается, и услуживает, чтоб только ловчее накинуть петлю и задушить.

Сарра. — Как вы нас ненавидите!

Следователь. — Я немножко погорячился, виноват... Говоря откровенно, отчасти вы этому причина. Когда мне вчера представили вашего жениха-талмудиста, мне стало очень грустно и жаль вас. Мне думалось: такая симпатичная девушка, и все-таки она будет, как все эти... другие... И не оттого, что нет в ней доброты и человечности, но оттого, что она еврейка... ей нужно воевать в пользу своего племени, хоть бы это было ей отвратительно, хоть бы навязанный муж был ей противен.

Сарра. — Какие же вы то после этого ничтожные люди, когда видите, чувствуете, сколько от этого горя, и ничего не можете сделать, чтоб спасти и себя, и евреев... Ведь в ваших руках и солдаты, и сила; зачем вы допустили, чтоб сплотилось еврейское царство, зачем вы так падки на золото, что золотом можно заставить вас сделать, что хочешь?.. В евреях много дурного — пускай! а вы разве лучше?.. Евреи жадны к золоту, но чтоб друг друга поддерживать; вы жадны к золоту, чтоб друг друга давить и

продавать. (Входят. Моше и Сендер) Оттого целыми веками нас не могли уничтожить, хоть жгли на кострах, грабили и убивали... и придет время, евреи будут властвовать миром, и вы же это сделаете... Когда все это видишь, поневоле задушишь в себе свои личные желанья и покоришься судьбе. Так видно Богу угодно, коли Бог благословляет удачей еврейские дела.

Моше. (Выступая) — Что это такое? что у вас за разговор такой?.. Здравствуйте, господин; очень рад вас видеть у себя. Саррочка, что такое?

Сарра. — Прости, отец, что я тебе сейчас не сказала о приходе господина следователя. Мы разговорились... но ты можешь быть уверен: я ничего не говорила ему, что было бы вредно нашему племени.

Уходит!..

ЯВЛЕНИЕ VI.

Следователь, Моше и Сендер.

Моше. — Хе, хе! Этакая девочка глупенькая: что за горячие речи по пустякам. Слаб женский ум, увлекается. Я думаю, вам смешно?

Следователь. — Напротив?.. я очень жалею, что Сарра Моисеевна так оборвала наш интересный разговор. Я бы с удовольствием с ней ещё побеседовал.

Моше. — Ну, какой вам интерес от глупенькой еврейчки?.. она ничему не училась... уж это вы так говорите, по вежливости... Садитесь, будьте добры. Могу чем-нибудь служить вам?

Следователь. — Я шел мимо вас, так было кстати зайти. Мне хотелось частным образом спросить вас.

Моше. — Но поводу чего?

Следователь. — По поводу убийства вахмистра пограничной стражи.

Моше. — Какого вахмистра? что за убийство?

Следователь. — Вы не знаете?.. Ведь вы были вчера на шабаше вблизи происшествия.

Моше. — Ах, этот случай! Ужасный случай... как же, как же, — как я мог не знать?.. Я по рассеянности спросил; думал, ещё другой такой же случай.

Следователь. — Так вот я хотел вас спросить... ведь у вас большая слесарная мастерская. Там был в починке вот этот револьвер... вероятно, его вам принесли в магазин, и вы отдали его чинить в мастерскую...

Моше. — Если его там чинили, — вероятно, так.

Следователь. — Не можете ли вы припомнить: кто вам приносил этот револьвер?

Передает револьвер.

Моше (Рассматривая револьвер) — Ну, это трудно, господин, очень трудно. Вы знаете, у нас тут кругом много военных стоит; офицеры часто приходят со своим оружием, чтоб его чинить. Как мне запомнить один маленький револьвер.

Следователь. — Посмотрите хорошенько: он особенный... перламутровая ручка, никелированный... Ваш рабочий его сейчас узнал.

Моше. — Вы вызывали моего рабочего в камеру?

Следователь. — Нет ещё. Он случайно был на площади, когда полицейский принес револьвер и сказал, что нашел его на месте преступления. Я разговаривал с двумя купцами, собралась маленькая толпа, и ваш мастерской тоже подошел. Когда он увидел револьвер, он крикнул: «я его знаю»... и потом рассказал про починку.

Моше. — Сам сказал?... Какой же это был рабочий? как его зовут?

Следователь. — Я не знаю; я записал его имя, теперь не припомню... только он из вашей мастерской, и потому я думал, что вы мне скажете...

Моше. — Гм... хороший револьвер, очень хороший револьвер... он должен верно стрелять.

Следователь. — Так вы не знаете, кто его вам приносил?

Моше. — Надо подумать; спросить надо... Вы не можете его у меня оставить?

Следователь. — О, ни в каком случае!

Моше. — Да, да, вы не имеете права доверяться... я так спросил, не подумавши.

Следователь. (Сендеру, который тянулся взглянуть на револьвер)
— Вам угодно взглянуть?

Сендер. — Кажется, я видел один такой револьвер.

Моше. — Где ты мог видеть, Сендер? ты ученый человек.

Сендер. — У Йошке я видел...

Следователь. — Кто это Йошке?

Моше. — Вы не знаете Йошке Бернштейн?.. Это очень дурной человек. Он и уворовать может и для всякого какой хотите гешефт

сделает... Я думал, он часто у вас под следствием бывал, Иошке Бернштейн.

Следователь. — Он еврей?

Моше. — Да; но он никаких еврейских законов не соблюдает, он даже шабаш не исполняет... он хуже цыгана.

Следователь. — Так если этот Иошке вам давал чинить револьвер!.. как же вы этого не помните?

Моше. — Ах, господин, такой я стал старый, — память совсем плохая стала, и ревматизмы мучат. Не могу я помнить про всякого фактора. Иошке маленький фактор.

Сендер. — Вы его сыщите; Иошке скажет, отчего револьвер нашелся в поле.

Моше. — Оставь, Сендер; господин следователь сам знает, кого лучше спросить.

Следователь (Вставая) — Во всяком случае, уж не прогневайтесь, господин Гольденвейзер, мне придется вас вызвать на следствие в качестве свидетеля.

Моше. — Что я могу сказать? я ничего не знаю... Я больной старик; живу с моей Саррой и молюсь.

Следователь. — Полноте, полноте. Вы именитый купец нашего города, ваше слово важно... Так пока до свиданья... (Сендеру) До свиданья...

Уходит.

Моше за ним; провожает его униженно, с лицом больного старика, но тотчас возвращается на сцену оживленный и нервный.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Моше и Сендер, потом Ципа, позже Михель и члены еврейского общества.

Моше. — Глупец! слова глупца на погибель его... К чему твоя ученость, когда ты так сам себя отдаешь, глупец!.. Зачем ты сказал про Иошке?

Сендер. — Ведь мы так решили.

Моше. — Зачем торопиться? можно было потом сказать, когда придет необходимость.

Сендер. — Я очень испугался. Следовательно так упорно глядел на мои глаза... Я боялся, он скажет, это мой револьвер.

Моше. — Пустой человек!.. И кто этот мастеровой, который сказал? Такой же пустой. Я прогоню его, ни один еврей его к себе не пустит, он с голоду умрет без работы.

Сендер. — Я все поправлю. Следовательно здесь будет искать Иошке, а я завтра поеду за границу и сделаю так, чтобы Иошке не говорил ничего.

Моше. — Ты и там, пожалуй, испугаешься?

Сендер. — Когда нет начальства, я не пугаюсь.

Входить Ципа.

Ципа. — У вас был следователь? что ему надо? с вас тоже взяли подписку не выезжать из города?

Моше. — Нет. А вас заставили?

Ципа. — Сейчас из суда приходил чиновник. Михель должен был подписаться, что никуда не уедет.

Моше. — Его подозревают?

Ципа. — Ах, я безумная баба! из-за меня он погибнет. Ох, что тогда я буду делать!.. Он хотел ещё вчера уехать, а я упросила, чтоб остался! Зачем я упросила?

Моше. — Тебе надо сегодня же ехать, Сендер, чтобы и тебя не задержали, беги скорей в полицию, возьми отпуск на неделю. Теперь три часа, поезд идет в восемь вечера, ты успеешь.

Ципа. — Ах, я несчастная! Зачем Михель меня послушал? разве можно женщину слушать? разве женщина может умно рассудить?

Моше. — Перестань вопить; что ты этим pomoжешь? (Сендеру) Ступай же скорей.

Входить Михель.

Михель. — Куда ты?

Моше. — Не держи его; я тебе потом расскажу, что мы решили. Он едет разыскать Йошке.

Михель. — Йошке арестован.

Моше. — Как? ведь он за границей.

Михель. — Нет. Его арестовали.

Моше. — Ты сам сказал, что он убежал за границу.

Михель. — Мне это показалось в суматохе; ему не удалось. Он два дня прятался у кузнеца в шалаше; сегодня пытался бежать, и его как раз схватили.

Моше. — Следовательно сейчас был здесь, он ничего об этом не знает.

Михель. — Он не мог знать: Йошке только что привели в полицию.

Моше. — Ты сам его видел?

Михель. — Сам.

Моше. — О гром небесный! горе! горе!... (Сендеру) Видишь, глупец, видишь! ты в Йошке бросил камень, а он прямо упал на наши головы. Йошке выдаст нас с руками и головами.

Михель. — Что ты говоришь? что?

Моше. — Твой револьвер нашли... Сендер сказал, следователю, что эти револьвер Йошке.

Михель. — Вы мне могилу вырыли, вы меня живого в землю закопали!

Общий ужас. Пауза. Стук в дверь: общее движение, прислушиваются. Входить рабби Шабсай, реб Гилель и ребб Лейзер.

Шабсай. (В дверях) — Мир дому здешнему и благополучие.

Моше. — Ах, это вы, рабби... входите, входите... (Входит) Нет нам благополучия, рабби, гибнет древо Иаковлево... горе! горе! за смерть гоя, солдата, христианина, праведному Михелю придется поплатиться.

Шабсай. — Если земными сокровищами, то горе ещё поправимое.

Моше. — То-то нет, — это невозможно.

Лейзер. — Давно ли мудрый Моше потерял веру в силу денег?

Моше. — Нашего следователя подкупить нельзя.

Лейзер. — Не от одного следователя зависит дело; а где много людей, там всегда найдется человек, который возьмет деньги.

Шабсай. — Другие члены еврейского общества собрались на дворе, чтоб не обращать внимания любопытного глаза на наш приход. Приведи их сюда, Михель.

Михель уходит.

Ципа. — Возьмите у меня все, все, — все мои дорогие платья, кольца, камни драгоценные, но спасите мне Михеля... он мне потом новые подарит.

Шабсай. — Ты неразумная женщина.

Ципа. — Я и не хваюсь разумом. На что мне разум? для того у меня есть муж, чтоб наставлять мой разум. Спасите моего мужа!

Входит Нахман, Михель и другие евреи.

Нахман. (Шабсаю) — Слышали, слышали, что Михель говорить? Иошке арестован...

Лейзер. — Иошке Бернштейн?

Нахман. — Зачем брали Иошке на контрабанду? я всегда говорил: Иошке не надо к себе пускать. Иошке давно надо было отдать в солдаты от еврейского общества!

Гилель. — Он всех нас ненавидит!..

Нахман. — Чем же тогда будут кормиться мои деточки, если он меня притянет к делу?.. У меня шесть деточек: Лейке, Двошке, Равка, Берке, Юдке и Борух... и мать есть, и бабушка, и два брата маленьких, — я их всех кормлю... кто их без меня будет кормить?

Шабсай. — Что Иошке может сказать про тебя? вчера все видели тебя чрез окошки на шабаше с твоим семейством; ты был в городе.

Нахман. — Он все может сказать, Иошке, он злой, как змея. Я его палкой бил на прошлой неделе, он теперь все старое припомнит.

Лейзер. — И на меня зол; он у меня денег просил, я его прогнал.

Нахман. — Моше! Моше! этому человеку вы даете такой гешефт-контрабанду! ай, ай, ай! ай, ай...

Говор.

Шабсай. — Тише, братья, тише! пустым спором дела не строят. Садитесь, раввины, и вы, евреи, все садитесь... будем тихонько обсуждать: какие теперь избрать пути?

Некоторые; рассаживаются. Входит Сарра.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Те же и Сарра.

Моше. — Что тебе, дочь моя?

Сарра. — Я видела, что собрались к нам раввины и все лучшие еврейские люди... и я пришла просить вас всех...

Шабсай. — Подойди, девушка, говори, не бойся. Сыны Израиля знают твое благочестие и охотно преклонят ухо к твоим словам.

Сарра. — Я пришла просить вас, чтоб вы помогли деньгами несчастной вдове убитого вахмистра.

Ципа. — Что она выдумала! Мы из-за этой вдовы все погибаем.

Сарра. — Умоляю вас ради Всевышнего!.. Эта женщина теперь там у меня. Она во второй раз сегодня пришла, — с ней сделалась истерика... Исли б вы видели ее... эти рыдания... я не могла вынести... прибежала... я умоляю: помогите ей и её детям.

Ципа. — Кого ты жалеешь? о ком ты говоришь-то?.. подумай.

Моше. — Остановись, Ципа. У Сарры в одном мизинце больше ума, чем во всей твоей голове; она хорошо говорит: деньги дать вдове хорошо. Тогда суд будет добрее смотреть на евреев.

Лейзер. — Да, этот расход сделать нам выгодно.

Сарра. — Выгодно!

Шабсай. — Садись, девушка; расскажи нам про эту вдову, ты её знаешь?.. какова её бедность, какие дети?.. мы обсудим, сколько нам не жалко будет на это истратить.

Сарра. — Нет. Делайте, как хотите; я не могу обсуждать с вами... У меня сердце рвется от её плача, а вы спокойно хотите взвешивать, что выгодно и чего не жаль... Делайте, как хотите, я не могу.

Уходить.

Шабсай. — Что с твоей дочерью, реб Моше? она всегда была так благоразумна.

Моше. — Она больна. Её наверно расстроила эта женщина своими жалобами. Я прикажу, чтоб эту женщину не пускали больше в мой дом.

Михель. — Деньги ей все-таки надо послать чрез начальство.

Нахман. — А вы что не думаете: начальство скажет, что евреи хотят откупиться.

Шабсай. — На благодеяние всегда смотрят доброй душой.

Моше. — Не бойся, реб Нахман, я с общества не возьму ни копейки; я сам внесу свои пятьсот рублей.

Нахман. — Лучше бы эти деньги следователю подарить.

Лейзер. — Следователю-то можно бы и больше дать, гораздо больше, да он не возьмет. Он глупый бессребренник; не знает цены деньгам. Не захочет замарать свою службу.

Михель. — Хоть бы он только отстранился, сказался больным, чтоб другому следователю передали дело. С другим скорей можно сторговаться.

Моше. — Не пойдет он на эту сделку.

Лейзер. — Для нас не пойдет, но если бы его попросила твоя Сарра... о, я знаю, как она ему нравится! Он при мне хвалил ее, как архангела... Если б Сарра захотела сослужить службу Израилю и попросила бы следователя...

Моше. — Не думаю, чтоб он даже для Сарры... Это дело очень огласилось... Он гордый, его гордость не сломишь.

Лейзер. — Только бы Сарра осталась с ним с глазу на глаз, мы подстережем, что он будет говорить и делать. Сарра может прийти просить за евреев, и когда будут один... Сарра умная девушка, она

знает, как поступить и как приласкаться; а мы во время явимся свидетелями, потом будем жаловаться начальству, что он по злобе на её добродетель преследует евреев; начальство тогда само его odstranit.

Ципа. — Она не сумеет этого, не сумеет. Вот я бы ловко сделала, но меня следовательно терпеть не может.

Михель. — Замолчи, Ципа.

Шабсай. — Правда, бывали случаи, что Господь посылал сынам своим спасение через девушек еврейских. Была Дебора, была Эсфирь.

Сендер (Лейзеру) — Где же ты будешь подстерегать?

Лейзеръ. — Разве трудно пробраться к следователю на квартиру и спрятаться рядом в комнате? У него только две прислуги, и кухарку я берусь купить за пять рублей.

Шабсай. — Что скажешь на это, реб Моше?

Моше. — Пускай свершится, что нужно для блага Израиля! Пускай Сарра идет к следователю, я научу ее, как вести себя.

Сендер. — Ты ручаешься за неё? Ты не боишься?..

Моше. — Чего?.. Сендер! ты из-за ревности так говоришь. Моя дочь твердая еврейка и покорная раба своих старейших. Ты сам слышал сегодня, как она перед следователем заступалась за евреев. Она говорила, как книга.

Многие. — Пускай идет! Пускай попытается, попробует...

Шабсай. — Пускай Сарра идет к следователю, и да вразумить её Господь!

Ципа. — Ох! Она не сумеет. Я бы сумела; она не сумеет.

Шабсай. — Теперь раввины и благочестивые евреи, приступим к главному: обсудим, как все дело направить.

Сендер. — Обрушить его на Йошке. Он за всех ответит.

Нахман. — Йошке в жертву принести! Йошке за всех... не нам же пропадать! У меня шесть детей: Лейке, Двошке, Ривка, Берке, Юдке и Борух, бабушка, два брата...

Гилель. — Сговориться всем показывать против Йошке.

Мнопе. — Йошке! Йошке! Предать Йошке начальству!

Говор.

Шабсай. — Погодите, братья; не говорите торопливо. Помолчим малое время и подумаем. Может, подумавши, лучше что скажем... помолчим минутку.

Общее молчание.

• • • •

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ.

Кабинет следователя.

ЯВЛЕНИЕ I.

Следователь — за столом разбирает дело. Слуга входит. Потом Моше.

Слуга. — Там еврей Гольденвейзер пришел. Просит принять его.

Следователь. — Теперь мне некогда; я занят.

Слуга. — Я говорил; он все-таки просится.

Следователь. — Сейчас я следствие начну. Привели обвиняемого?

Слуга. — Нет еще. Купцу Реддиху вы повестку послали прийти, так он тут.

Следователь. — Скажи господину Гольденвейзеру, что я извиняюсь, прошу зайти в другой раз... через два часа, если ему угодно.

Моше. (Заглядывая в дверь) — Я на одну маленькую минуточку... простите, простите, господин... ещё обвиняемого не привели.

Следователь. — Ах, право я так занят...

Моше. (Входит) — Я сейчас уйду; я только для одного хорошего дела. Не сердитесь, господин, мы, евреи, очень упорны, когда для хорошего дела стараемся.

Следователь. — Ну, что вам угодно?.. (Слуге) Ступай. Ты мне скажешь, когда приведут.

Слуга уходит.

Моше. — Ах, Боже мой, я вам неудобство делаю. Ай, ай, ай, ай!..

Следователь. — Что вам угодно?

Моше. — Я к вам от моей Саррочки. У неё такое доброе золотое сердце, — вы не представите себе. Саррочка очень желает помочь вдове убитого стражника... Ах, как Саррочка печальна от всего этого происшествия! — она почти не спит, она похудела. Я уж уговариваю ее: Саррочка, ты такая красавица, зачем ты похудела?.. но ей так жалко и мать, и детей. Она умоляет вас передать им пятьсот рублей от неизвестного.

Вынимает деньги.

Следователь. — Я-то тут что? Это надо передать начальнику пограничной стражи, если уж вы непременно хотите.

Моше. — Я ничего не хочу. Я дурной человек, старый и ко всему равнодушный; я люблю только мою Саррочку... и эго её желанье; она хотела, чтоб я отдал вам, я и прошу вас взять.

Следователь. — Снесите начальнику пограничной стражи.

Моше. — Саррочка просит вас распорядиться. Она никому не верит, вам одним, право. Вы не смотрите, что она с вами спорит и иногда дичится; у неё много ума, много; она умеет, человека понять, — и никого в городе она не ставит так высоко, как вас.

Следователь. — Зачем вы мне это говорите? Вы думаете, что мне может быть особенно приятно льстивое слово?

Моше. — Какое тут льстивое слово? я вам говорю мнение об вас Саррочки. Мне самому это мнение даже неприятно, потому что, будь вы ещё в тысячу раз лучше, чем она о вас думает, что из того?.. и вы твердый христианин, и она твердая еврейка; если она вам нравится или вы ей нравитесь, ничего хорошего тут не может быть. Коли уж правду сказать... я простой человек, я всегда правду скажу: я даже часто старался перед ней вас бранить... хе, хе!.. Я отец, я люблю Саррочку... я вас бранил... но она умная, её не обманешь; она так умеет за вас заступиться, что я должен уходить в мою комнату.

Следователь. — Передайте, пожалуйста, Сарре Моисеевне, что, к великому моему сожалению, я не могу исполнить её просьбу. Если она искренно только хочет помочь вдове, это можно сделать и без меня.

Моше. (Прячет деньги) — Моя бедная дочка!.. Ах, она будет чрезвычайно сокрушаться, что вы её так с холодным чувством отталкиваете. Вы не знаете, как она вас понимает... Это очень неприятно, что она вас понимает, но что я могу сделать? Вы сюда приехали, как будто большая птица орел прилетела; все про вас говорят... маленькая еврейка слушает, у маленькой еврейки головка горячая... Что я тут могу сделать?.. Вам не надо было приехать сюда с вашими талантами.

Следователь. — Откуда вы знаете мои таланты?

Моше. — Мы все знаем. Какой бы мы были глупый народ, если б мы не знали, что нам нужно? Вам Бог дал большое дарование; вам бы надо так: жили бы в столицах, дворец бы себе выстроили, как большущая знаменитость. Это для вас не карьера, быть судебным следователем... ну, и потом даже прокурором; что такое три тысячи жалованья? вы должны быть адвокатом.

Следователь. — Разве адвокатом лучше?

Моше. — Где же это равнять? — адвокат не имеет никакой узды; а вы на службе должны все свои мудрые понятия застегнуть под золотые пуговицы.

Следователь. — Как же это так?

Моше. — Ну, вот, например, заварилось какое-нибудь дело, — и неприятно оно было бы, ну, хоть евреям... и мы бы пришли к адвокату и сказали: помоги нам, заступись за нас, сколько тебе заплатить? бери деньги. Он бы взял деньги, и положил в карман, и стал бы говорить за нас, как за родных отцов. А если б вам сказали: вы ведете дело против нас, — вот вам деньги, оберните так, чтоб оно за нас было; вы скажете: это взятка, рассердились бы... Для вас бесчестно, для адвоката честно; а вы вместе с адвокатом за одним столом фриштикаете и из одной бутылки вино пьете — и ничего.

Следователь. — Так вы думаете, и мне следовало бы взять?

Моше. — Не возьмете, — хе, хе!.. и напрасно не возьмете; деньги такие же деньги, что адвокату, что вам... и как вы там ни говорите, таких уж идеальных людей нет... Разберете жизнь каждого: где-нибудь уж непременно взял взятку, — и вы возьмете, только не здесь, не прямо... а не все равно один раз или два раза? хе, хе!.. только у вас меньше денег будет, вот и все.

Следователь. — Нет, знаете, не мне быть адвокатом, а вам; вы так умеете все объяснить...

Моше. — Я только смотрю просто, по коммерчески. В мире все на показ, все условно. Я много жил, я много видел, я запутался, как кто понимает, что честно, что нет. Самые хорошие люди такие же дела делают, как нехорошие. Теперь вы, например, это дело смерти стражника так направляете, что всю вину взваливаете на евреев, — вы большую нам неприятность делаете... и без того нас ненавидят и теснят, а теперь страшный пожар может из этого разгореться, кровавая драка. Вы несправедливо это делаете.

Следователь. — По-вашему как же будет справедливо?

Моше. (Постепенно увлекаясь) — По-моему это все были иностранцы... тут наших русских не было... все иностранцы; на них и надо указывать... Зачем здесь возбуждать вражду?.. Вы можете добро оказать всем... Пускай сердятся на иностранцев; иностранцы нам неприятели, а евреи тому же царю служат, и родина у нас та же. Вы водворите мир и спокойствие в городе... С другой стороны и для вас самих это лучше. Разве вы думаете, у евреев нет ума? Разве мы не понимаем, что за такое дело благодарить надо?.. Тому-то, кто нам услугу оказал, мы рабы; мы ничего не пожалеем: ни имущества нашего, ни плоти и крови нашей... ни наших детей.

Следователь. — Довольно, господин Гольденвейзер... Чувствуете ли вы, что этими словами вы гораздо больше выдаете своих, чем защищаете?.. Если уж они готовы подкупить следователя, значит их дело не чисто.

Моше. (Одумавшись) — Ничего это не значит. Я говорю так, что мне приходится в голову. Никто не виноват, что у меня старые глупые мысли. Господу Богу было угодно, чтоб я был стар и глуп, и я говорю с вами прямо, как с честным человеком, как я и Саррочка вас всегда считали... а надо вас остерегаться, так я буду молчать.

Следователь. — Вы знаете, что Йошке Бернштейн арестован?

Моше. — Йошке? да... этот Йошке... я слышал...

Следователь. — Он отрицает, что револьвер ему принадлежит.

Моше. — Конечно, конечно... он должен себя беречь.

Следователь. — Но ведь вы и ваш будущий зять положительно утверждали, что это его револьвер.

Моше. — Сендер говорил только, что он видел у Йошке револьвер похожий на этот; а я ничего не помню.

Следователь. — Мне показалось, что вы оба даже как будто подозреваете именно Бернштейна в убийстве.

Моше. — Ни в каком случае... Что я буду подозревать, чего я не видел?.. Когда стреляли, я справлял шабаш, вы это знаете, вы сами заезжали в корчму Авраама в это время. Почему же я или Сендер можем сказать, что стрелял Иошке? Револьвер не рука, не нога, не часть тела человека. Револьвер всегда можно дать другому; сейчас он у вас, сейчас он у другого. С тех пор как Сендер видел у Иошке револьвер, Иошке мог отдать его кому-нибудь; револьвер в десяти руках мог быть.

Следователь. — Иошке в свое оправдание ссылается на вашего племянника, Михеля Реддиха, и просил очной ставки. Сейчас оба будут здесь... Так как уж вы кстати пришли, то я и вас попрошу присутствовать.

Моше. — Ваша просьба, хе, хе! есть приказание, я должен остаться, или опять прийти, когда вы скажете, и говорить, о чем спросите, но... позвольте просить ваше великодушное сердце: не принуждайте меня много говорить и не ловите на слове. Я старый, глупый, иногда сам не знаю, что говорю, а у вас из-за пустого слова может выйти огромное преступление. Избавьте меня от лишних разговоров. Не ради меня, я не стою вашей доброты, а ради моей бедной Сарры; она любит своего отца, и ей будет очень тяжело.

Следователь. — Я спрашиваю только то, что велит закон.

Входит слуга.

Слуга. — Привели, ваше благородье.

Следователь. — Пусти сюда... и господина Реддиха тоже. А стражник Антонов здесь?

Слуга. — Здесь.

Следователь. — И его.

Слуга уходит.

Моше. — Я никак не думал... когда шел сюда по доброму желанию Сарры с деньгами для вдовы... я не думал, что попаду в такое затруднение

Следователь. — Надо всегда быть ко всему готовым, господин Гольденвейзир. Да и какое тут затруднение, когда ни вы, ни ваши близкие ни в чем не замешаны?

Входит Михель Антопов, Иошке, тюремный надзиратель и письмоводитель.

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же, Михель, Антонов, Иошке, тюремный надзиратель и письмоводитель.

Следователь. (Сел за стол) — Иошке Бернштейн, вы желали видеть купца Реддиха, чтоб доказать, что не участвовали в свалке, во время убийства вахмистра пограничной стражи. Я вызвал для вас господина Реддиха; но прежде я желал бы, чтоб вы прослушали стражника Антонова, который прямо заявляет, что сам вас видел при этом деле.

Иошке. — Отчего ему не заявлять?... Они там целая команда ни одного контрабандиста не поймали, так надо что-нибудь сказать. Контрабанду немцы несли из-за границы.

Антонов. — Что ты врешь? вас было шестеро... кабы не подстрелили вахмистра, всех бы вас переловили. Других я не рассмотрел, а уж тебя-то я очень хорошо узнал, оттого и не догонял; думал, все равно не уйдешь. Для чего ж ты три дня прятался?

Иошке. — Господин следователь, где такой есть закон, что один свидетель начнет обвинять, и ему поверят?.. Он верно пьян был в этот вечер, так немца принял за меня. Он всегда пьян.

Антонов. — Ах, ты Иуда Искаротский!

Иошке. — Я сам его сколько раз поил водкой. Его позови в трактир, он сейчас пойдет.

Антонов. — Стану я пить на твои наворованный деньги!.. Вашеское благородие, прикажите ему замолчать. Сдержать себя нет никакой возможности — я его при вас изобью.

Следователь. (Антонову) — Перестаньте, перестаньте...

Иошке. — Вот, господин следователь, как он на меня рассердился. Он против меня все будет показывать... а все неправда... Вот вы говорили, револьвер мой... разве у еврея бывает огнестрельное оружие?.. Еврей издали увидит, что тихонько лежит револьвер, и то убежит поскорей. Еврею в руку дать револьвер все равно что каленую подкову, — так страшно. Как это говорить такие невозможные дела!

Следователь. — Что вы хотели спросить Михеля Реддиха?

Иошке. (Упорно глядит на Михеля) — Михель, ты знаешь все... (Пауза) Ты и мою жизнь знаешь, какой я человек?... могу ли я быть разбойником?.. Скажи господину следователю, сколько я тебе служил, и как ты мной был доволен.

Михель. — Ты служить всякому: и еврею, и христианину... на какое хочешь дело тебя послать можно; заплатить, и ты все будешь

делать. Почему я могу знать твою жизнь? Я богатый купец, у меня большая торговля, я не стану узнавать всякую жизнь.

Иошке. — Ты от меня отворачиваешься? Михель!.. Ты забыл, что ты говорил мне в пятницу утром в день убийства?

Михель. — Я тебя в пятницу совсем не видал.

Иошке. (Пораженный) — Ты не видал?... После всех твоих уверений теперь ты говоришь, что не видал?

Михель. — Я в пятницу всегда готовлюсь к шабашу и ни с кем не разговариваю. Тебе все равно, что пятница, что другой день, но я строго храню заповеди Господни.

Иошке. — Михель! Что ты говоришь?

Следователь. — Не он один такого мнения об вас. Вот господин Гольденвейзер тоже обвиняет вас, что вы плохой еврей, в синагоге никогда не бываете, что еврейские законы для вас не существуют.

Иошке. — А! Почтенный реб Моше! Он это говорит?

Моше. — Я не обвинял! нам наша религия запрещает обвинять. Если Иошке когда-нибудь не исполняет наши законы, то почему мы знаем, какие у него причины? Бог видит, Бог рассудит.

Следователь. — Вы прежде говорили более уверенно.

Моше. — Я не на следствии говорил, это был частный разговор.

Следователь. — Разве на следствии вы будете показывать не то, что думаете?

Моше. — Я болен; позвольте мне уйти.

Следователь. — Не все ли равно после говорить или теперь?

Моше. — Правда, правда, все равно... ну, что ж! я ничего не лгу никогда... и прежде сказал, и теперь скажу, что я считаю Иошке нехорошим евреем, очень нехорошим... и человек он дурной; я за

него не поручусь ни в чем. Что он говорит, что боится револьвера, — глупости. Он всем офицерам служит и их оружие носит чинить ко мне в мастерскую. Он ничего не боится; он, может быть, и Бога не боится.

Михель. — Иошке, зачем ты хочешь, чтоб честные люди за тебя заступались, когда ты знаешь, что нельзя заступаться? Лучше ты сознайся в грехе; начальство кающегося грешника всегда легче карает. Зачем ты вздор выдумываешь?.. вот и про стражника: могли стражник быть пьян в такое время? кто же этому поверит?.. Стражнику опасно быть пьяным на службе; это вопиющая ложь!

Антонов. — Слышишь, анафема.

Иошке. — Слышу, слышу, и понимаю все. Стало быть, уж было совещание лучших людей Израиля? отцы Синедриона нашли козла отпущения во спасение сынов Господних?.. Но козел будет бодаться, пока ещё не обломали ему рога, пока не перерезали горла. Козел бодаться будет.

Моше. — Он позорит нашу веру!

Иошке. — Что мне вас позорить! вы сами себя позорите. Правду они говорят, что я плохой еврей; а зачем мне быть хорошим?.. Легко им соблюдать законы: они живут тепло, сытно, весело; а нас, нищих братьев своих, раздавили, как паскудную жабу. Жидов проклинаят! а почему жиды злое семя? — вот они кровопийцы!

Моше. — Богохульник! не страшишься ты грозы небесной?

Иошке. — Поглядите, как живут бедные евреи в гнилых сырых подвалах, с грязными детьми в проказе да ранах. Отчего мы не можем вырваться из грязи? отчего мы на всякие плутни готовы? оттого, что наши же богачи нас грабят, обирают, приказывают нам делать, что им нужно, и мы должны слушаться.

Михель. — Он бранит старшин! он анархист!

Иошке. — Они меня толкнули на скверную жизнь, заставили всякие мерзкие дела делать, чтоб себе наживать крупные барыши; а мне кидали мелкую подачку. Сами чисты остались, а меня сделали негодяем. Я прежде честный работник был, сапожник, — они у меня всех заказчиков отбили, чтоб я бросил свою работу и им служил.

Моше. — Отчего же ты не жаловался на нас?

Иошке. — Жаловаться! на сбирище еврейских богачей! жаловаться!.. Да вы бы меня давно в солдаты отдали или хуже — забили до полусмерти. От вас не уйдешь! в доме спрячешься, так вы дом сожжете, чтоб выгнать бедняка, кому вы хотите мстить.

Моше. — Вот, господин следователь, видите, какой это человек, что он рассказывает.

Иошке. — И ещё скажу: им и этого мало. Когда они в своих накомстных делах попадутся начальству, мы же за них своей кожей отвечаем... Но с меня довольно! меня выдают, так и я молчать не буду.

Моше. — Не извергай клеветы! Кто тебе поверит, тунеядцу?

Иошке. — Мне можно верить; мне не для чего лгать, нечего спасать. Записывай, господин следователь: признаюсь. Я в тот вечер нес контрабанду и четыре немца с нами. Но не я убийца. Меня наняли, потому что я все дороги знаю и умею хорошо врать, когда схватят. С нами был хозяин контрабанды, Михель Реддих.

Михель. — Куду я в шабаш выходить из дому?

Иошке. — Когда на нас напали стражники, немцы побросали товар и убежали назад. (Указывая на Антонова) Это он правду сказал, что узнал меня, даже назвал по имени, и оттого за мной не гнались, и я убежал; а погнались за Михелем, и Михель выстрелил. Вот вам убийца!

Михель. — Я возмущен, господин следователь, я возмущен всем моим сердцем. Как он смеет это говорить!.. Я очень известный купец, зачем я буду в субботу народ убивать?.. Спросите всех, кто был на шабаше; у Авраама Гиршеля; все скажут, что я все время был там, ещё до звезды. Вот Моше перед вами, спросите Моше.

Иошке. — Нет, не Моше, а самого Гиршеля допросите, старика Авраама допросите. Он старик святой жизни, он правду скрывать не станет... Сарру спросите, может быть, и у ней не повернется язык, чтобы лгать. Господин следователь, я прошу допросить Авраама Гиршеля и дочь Моше.

Следователь. (Письмоводителю) — Пошлите повестки; вызовите на среду... и господина Гольденвейзера тоже.

Моше. — И меня?

Следователь. — Уведите обвиняемого.

Иошке. — Прощай, Михель не ждал от тебя... да мы ещё встретимся: вместе на мошенничество шли, вместе и в тюрьме насидимся. Прощай и ты, старый Моше; спасибо за твои слова. Всю жизнь ты был злодеем; хоть бы теперь остановился, ведь одна нога твоя уж в гробу.

Уходить.

Михель. — Зачем вам Гиршеля вызывать? Гиршель совсем старый, больной и живет далеко от города; ему приехать невозможно.

Письмоводитель. (Моше) — Распишитесь в получении повестки.

Моше (Пишет) — Гм... что ещё меня будут спрашивать? с кем равнять?.. Найдут ли ещё хуже человека, чем этот Иошке, чтоб чернить мою старость? Что скажет на это моя несчастная Сарра, когда человек, которого она ставила выше всех, позволяет так

оскорблять её отца... Да простить она мне свое рождение, моя Сарра!.. Позвольте мне уйти, я не могу, я ослаб...

Следователь. — Я вас, больше не задерживаю, господин Гольденвейзер. Прощайте.

Моше. — Вы ещё в среду будете... продолжать все это со мной.

Уходить.

Михель. — И мне можно уйти?

Следователь. — Нет; вас я привлекаю к ответственности в качестве обвиняемого в убийстве.

Михель. — Вы поверили Иошке?

Следователь. — И, кроме оговора Иошке, против вас много улик; вы их узнаете на следствии. Отвечайте на вопросы: ваше имя, фамилия, звание? были ли когда под следствием и судом?

Михель. — Я Михель Реддих, купец первой гильдии. До сих пор меня никогда не судили.

Следователь. — Признаете ли вы, что в пятницу, двадцать второго августа сего года, на границе близь корчмы Авраама Гиршеля, выстрелили из револьвера в вахмистра пограничной стражи, Ивана Алексеева?

Михель. — Ни в каком случае не признаю.

Следователь. — Что вы можете сказать в свое оправдание?

Михель. — Что уже сказал. Я справлял шабаш в это время.

Следователь. — Это не доказано. Против вас сильные улики. Я должен вас арестовать.

Пишет.

Михель. — Арестовать! Это нельзя... я очень видное лицо.

Врывается Ципа, за ней слуга.

ЯВЛЕНИЕ III.

Следователь, Михель, Антонов, письмоводитель, Ципа и слуга.

Ципа. — Пустите! пустите!.. Наше превосходительство, я все слышала, я тут рядом слышала...

Следователь. — Кто это?

Михель. — Моя супруга. Уйди, Ципа.

Следователь. (Слуге) — Зачем вы пускаете?.. уведите.

Пишет.

Слуга. — Насильно ворвалась... (Ципе) Пожалуйста.

Ципа. (Слуге) — Миленький, не трогай меня; я тебе рубль целковый дам. Не могу я уйти, когда моего мужа арестовать хотят. Не слушайте Иошке, — Иошке вор... он у меня бархатную ротонду украл! украл, украл и не сознался; продал её проезжему офицеру.

Михель. — Уйди, Ципа, ты хуже делаешь.

Ципа. — Не уйду!.. что я могу сделать без мужа? куда даваться?.. Ваше превосходительство, господин следователь, Бег вас наградит; оставьте его. Ничем он не виноват никогда... Боже мой! Боже мой! Неужели никто не вступится за несчастную женщину!

Плачет.

Следователь. — Прошу вас выслушать постановление. (Читает) «Судебный следователь Ловенского окружного суда, третьего участка, допросив купца первой гильдии, Михеля Реддиха, в качестве обвиняемого, по делу об убийстве вахмистра пограничной стражи Ивана Алексеева, при исполнении последним обязанности службы, и, обращаясь к избранию меры для пресечения способов уклоняться Реддиху от следствия и суда, нашел, что Михель Реддих обличен во взводимом на него обвинении обстоятельствами дела и оговором подсудимого Иошке Бернштейн, что в своем объяснении Реддих не представил надежных доказательств своей невинности, что, хотя он имеет оседлость [недвижимость] и семью, но грозящее ему наказание соединено с лишением всех прав состояния, — постановил: во исполнение 116 статьи устава уголовного судопроизводства заключить Михеля Реддиха под стражу в Ловенском уездном тюремном замке, сообщив копию сего постановления прокурорскому надзору». Подпишитесь, что постановление вам прочитано.

Ципа. — Нет, Нет! вы этого не сделаете! ваше превосходительство...

Михель. (Насильно подымает Ципу) — Ципа... отойди... Арестовать меня? — это нельзя... меня знают... я министрам представлялся... за меня вступятся.

Следователь. — Подпишитесь. (Письмоводителю) — Позовите полицию.

Письмоводитель уходит.

Михель. (Подписывает бумагу) — Неужели вы допустите, чтоб видного коммерсанта вели по городу под конвоем?.. Позвольте мне внести залог. Я сейчас внесу.

Следователь. — Не могу позволить, в виду сильных улик. (Появляются два полицейских и письмоводитель) Препроводите Михеля Реддиха в тюремный замок. (Письмоводителю) Распорядитесь.

Письмоводитель уходит.

Михель. — Вы ведете смелую игру, господин следователь... за меня вступятся.

Уходит.

Ципа. — Так пошли вам Господь Вседержитель столько же горя и несчастья, сколько вы нам делаете! и вам, и вашим близким.

Антонов. — Ступай; захотела тоже тюрьмы.

Следователь. — Оставь ее.

Ципа. — Ах, я несчастная!

Уходит.

Следователь. — Как все это тяжело! как все тяжело!..

Антонов. — Вашеское благородие, вы не извольте беспокоиться... почему что он, этот Йошке, действительно он мошенник, но он это правду говорит. Коли они, знатные богатые купцы, его разбойником ставят, для чего ж они с ним компанию ведут?.. Вы извольте спросить кого угодно в городе: чрез кого они своп гешефты справляют, — все чрез Йошке. Я сам этого Йошке у Михеля Реддиха видел; шел мимо сада, они сидят рядом, кофе пьют.

Следователь. — Сходи, пожалуйста, сейчас к тюремному смотрителю. Попроси от моего имени, чтоб они этого Михеля лучше обставили. Я вечером зайду.

Антонов. — Слушаю-с.

Входить — слуга.

Слуга. — Барышня одна тут... просить, чтоб вы приняли.

Следователь. — Кто?

Слуга. — Я их верно-то не знаю, а сдается так, словно это дочка старика-то еврея, что сейчас здесь был.

Следователь. — Сарра Моисеевна?

Ходит задумчиво по комнате.

Слуга. — Словно я их где-то встречал.

Антонов. С — частливо оставаться, ваше благородие.

Уходит.

Слуга. — Так как прикажете?

Следователь. (Садится) — Впусти, пожалуй... или нет... Постой... Ну,пусти; хорошо... и, пожалуйста, не уходи из приемной, будь тут рядом... Письмоводителю скажи, что я больше заниматься не буду. Он может идти обедать.

(Слуга уходит. Мимическая сцена: он закуривает папиросу, потом бросает; пьет воду: мочит лоб водой; потом садится и задумывается. Входит Сарра.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Следователь и Сарра.

Следователь. — Сарра Моисеевна, так это действительно вы?... Я удивлен: вы ко мне?

Сарра. — Я долго не решалась... долго... мне очень трудно было себя заставить.

Следователь. — Вы пришли просить за вашего родственника? за Михеля Реддиха? Он арестован.

Сарра. — Я знаю.

Следователь. — Вы за него пришли просить?

Сарра. — Я должна это сделать. Это обязанность моя перед всеми моими близкими. Мне отец сказал, что я должна вступить за евреев, что на меня вся их надежда, потому что меня... вы уважаете... и всегда показывали мне такое участие...

Следователь. — Это верно... И раз уж вы за этим приходите, я и теперь покажу вам участие и уважение: я попрошу вас самих решить, как я должен поступить. Ответьте же мне прежде всего на мой вопрос... ответьте прямо, честно, правду... даю вам слово, что вам я поверю. Считаете ли вы, что Михель не участник в убийстве, что вообще тут евреи не замешаны?

Сарра. — Я пришла не для того, чтоб рассказывать, что я думаю, я пришла только просить.

Следователь. — Чего?

Сарра. — Милости.

Следователь. — Какой? к кому?... Сарра Моисеевна, вы не хотите ответить прямо, я и не стану больше допрашивать вас, я не стану тревожить ваших чувств... но за уважение прошу тоже уважения и ко мне. Окажите: хотели бы вы, чтоб я поступил против моей совести? чтоб я черное сделал белым? могли ли бы вы уважать меня за это?

Сарра. — Нет! никогда... Вы правильно говорите... Моя просьба глупа и несправедлива. Что вы можете сделать, вы сделаете и без просьбы. О Господи! какая страшная кара на меня обрушилась!

Следователь. — Отчего на вас? вы тут не причастны.

Сарра. — Тяжкий грех лежит на мне, тяжкий!

Следователь. — Грех?

Сарра. — Я отступница, я изменяю своим. Ведь я еврейка, я всем существом привязана к моему народу, — и служить ему приказано

мне Господом Вседержителем от самого моего рождения. Разве я смею отдавать вам предпочтение перед своими? вас, чужого человека, христианина, ставить выше своих? ведь это же страшный грех!.. Но что же мне делать, когда мой ум отказывается думать иначе? я вижу, что вы хороший и честный, а не они. Я бы хотела вас ненавидеть, как они ненавидят, — и не могу.

Следователь. — На что ненавидят?

Сарра. — Вы ворвались в мою жизнь, вы поколебали мою веру. С каждой встречей с вами растет мое недовольство собой и своими. Я уж теперь не прежняя покорная, уверенная в справедливости всего, что говорит и делает мой отец... я отступница... сама не знаю, кто я теперь, и как мне жить!

Следователь. — Оттого, милая девушка, что вы хоть и еврейка, но в то же время вы человек, и даровитый человек. Ваша природа не может мириться с узкими законами вашего племени.

Сарра. — Так ведь это страшно! это ужасный грех!

Следователь. — Страшно только тем, кто создает себе грозного Бога, вечно гневного, недовольного, карающего, кто выделяет себя из всего человечества и питает в душе ненависть ко всему чужому. Но Бог один для всего мира — Он Бог добра и милосердия, и никакая ненависть Ему не угодна. Вы на днях говорили мне, что хитростью и золотом евреи когда-нибудь поработят всех на свете, — вы ошибаетесь: чем дольше живет человечество, тем больше оно не терпит рабства; оно уже разрушило гнет грубой силы, оно каждый день разрушает гнет обмана, оно когда-нибудь разрушит и гнет золота. Если евреи хотят завладеть миром, они должны слиться со всем человечеством в общей борьбе против зла и насилия. Вечной властительницей мира может быть только любовь.

Сарра. — Неправда ли, что это так? неправда ли? Зачем же с детства во мне убивали эти хорошие чувства?

Следователь. — Тем лучше, что они сами сказались в вашей душе.

Сарра. — Когда я была ребенком, мне показывали на христиан, как на какую-то проклятую нечисть. Все-таки меня отдали в христианскую гимназию. Я, по привычке, считала себя существом высшим среди моих товарок, и каждая маленькая насмешка их над жидовкой меня больно колола. Это была пытка, я её не вынесла, я бросила гимназию. Меня стали учить дома кое-как. Я плохо образована; но мне хотелось учиться; я перечитывала Библию, я прислушивалась к ученым разговорам о талмуде и путалась в их противоречиях.

Следователь. — Вам надо было искать людей, с которыми вы бы могли обсуждать ваши сомнения.

Сарра. — Где искать? От, евреев я слышала только угрозы небесной кары, на христиан я глядела со злобой. Только впервые, когда я познакомилась с отцом моего жениха... Вы знаете старика, Авраама Гиршеля?

Следователь. — Я слышал об нем много похвал.

Сарра. — Только подле него я поняла, что для добрых людей жизнь и проста, и легка. У него нет ненависти ни к кому, он такой светлый и ясный во всех суждениях, с ним я разговариваю целые часы подряд — это мне радость. Он не давить меня правилами, как другие, не отгоняет от людей чужой веры, — он хочет правды и любви, как вы.

Следователь. — Вот видите! а он еврей и я христианин, и все-таки он ближе ко мне, чем даже к родному сыну.

Сарра. — Гораздо ближе... и я тоже... да! я тоже! Зачем мне это скрывать?... И не скроешь, как бы ни старалась. Учите меня, уверьте меня, что я не преступница. Что же мне с собой делать, когда так многое в еврейской жизни меня возмущает?... и с отцом моим я во многом не могу согласиться... Он хочет, чтоб я вышла замуж за Сендера, — он мне гадок, Сендер! я не буду ему хорошей женой, я не пойду за него... неужели Бог покарает меня за это?

Следователь. — Вы только разрываете свои цепи; за что же тут карать? вы меняете свои убеждения; может быть, новые будут лучше, с новыми вы будете счастливее.

Сарра. — И вы меня не осудите? Вы не скажете: вот и эта такая же слабая жалкая, как другая? Она не выдержала тяжелой жизни еврейства, которую послал ей Господь, она не сумела победить себя и сделаться тем, для чего рождена... Вы не скажете этого? не перестанете меня уважать?

Следователь. — Принизиться легче, чем вырваться из тисков; на это способны только сильные характеры.

Сарра. — Так помогите мне! — я хочу вырваться, спасите меня... Я вам верю больше всех на свете... я потеряла отца, семью, родных, — я теряю веру... вы должны мне все заменить. Спасите меня! спасите меня!

Падает перед ним на колени, рыдая.

Следователь. (Поднимая ее) — Успокойтесь, успокойтесь, Сарра; ничего тут ужасного нет... Вы же сами говорите: жить легко, — надо только просто смотреть па людей и беззлобно.

Сарра. — Вы добрый, вы придумаете мне что-нибудь такое, чтоб уйти мне из этого ада, не упрекая себя... жить со спокойной душой, как старик Авраам... Вы добрый, вы добрый, я в вас не ошибаюсь...

Следователь. — Хорошо, я позабочусь об вас.

Сарра. — Благодарю вас. Как вы мне скажете, так все до слова и исполню. Как я была послушна отцу, так буду теперь послушна вам: распоряжайтесь моей судьбой, как хотите, — вы для меня теперь все...

Плачет у него на груди.

Следователь. (Обнимая её и успокаивая) — Полноте плакать... полноте же, дитя... так же ведь нельзя разговаривать... успокойтесь...

Входят из боковой двери Сандер, Лейзер, Гилель и ещё еврей.

ЯВЛЕНИЕ V.

Те же, Сандер, Лейзер, Гилель и евреи.

Сандер. — Извините, господин, мы... мы...

Следователь. — Что это значит? откуда вы?

Сандер. — Мы тут рядом сидели в комнате, дожидались Саррочки. Мы её сюда провожали; теперь домой надо. У нас так было уговорено с Саррочкой.

Следователь. — Уговорено?

Сарра. (С ужасом) — Со мной... уговорено?

Сандер. — Старый Моше сказал: иди, Сарра, проси следователя за Михеля, твой жених с другими евреями будет близко.

Следователь. — Неужели правда?... это была ловушка?... Вы знали, что они к этому готовились, и вы пользовались моим сочувствием, чтоб поставить меня в неловкое положение?..

Сарра. (задыхаясь) — Я... я... не понимаю...

Лейзер. — Иди, Сарра...

Следователь. — И я мог вам поверить!... Еврейка, в каждой капле крови еврейка! вы хуже их всех... они обманывают, грабят, убивают, но они являются во всем мерзком виде тварей, которых надо остерегаться, — вы пришли под видом ангела, с просьбой участия и добра, вы лучшими чувствами моими пользовались, чтобы меня же подвести!.. Еврейка, еврейка, уйдите! мне тяжело смотреть на вас!..

Сарра хочет говорить, но Лейзер и Гилель насильно уводят ее.

Сендер. — Пойдем, Сарра, пойдем.

• • •

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Общая комната в доме еврейского общества (кагальная изба).
Группа евреев.

ЯВЛЕНИЕ I.

Шабсай, Моше, Сендер, Нахман, Лейзер, Гилель и другие раввины и евреи.

Шабсай. — Слышали, раввины? слышали, дайоним? слышали, еврей?., страшное испытание послал Бог Адонай сынам своим: реб Михель взять под стражу, первый наш благодетель и заступник перед властями.

Нахман. — Ещё бы не благодетель. Его русские купцы боятся, как огня; он может раздавить всю их торговлю.

Лейзер. — Им теперь весело, что он арестован.

Шабсай. — Это горькое оскорбление всему Израилю, обида всем евреям. Никаких усилий не надо жалеть во спасете Михеля.

Нахман. — На него вступятся. Михель и Моше так много денег дают на приют.

Шабсай. — Не на других надо надеяться, а на самих себя. Моше уж подал жалобу на следователя за дочь. Если дело передадут другому следователю, тот поверит свидетельству евреев. Тогда всем стоять за Михеля, как один человек. Пускай все, которые были на шабаше у Гиршеля, поклянутся, что Михель был с ними все время, и Михель спасен.

Моше. — Доказать *alibi*, да, да... *alibi*. Но этого-то и не удастся.

Шабсай. — Кто же будет изменником? кто покажет иначе?., христианских слуг подкупить.

Сендер. — Моше не рассчитывает на свою дочь.

Нахман. — На Сарру?

Гилель. — Сарра будет свидетельствовать против евреев, против своего брата?

Моше. (Сендеру) — Откуда ты это выдумал?

Сендер. — Оттого что Сарра в последние дни совсем переменилась. Ни покорства прежнего в ней нет, ни забот, ни труда. Когда я у неё требовал, чтобы она покаялась, что говорила со следователем, она даже ничего не ответила, повернула мне спину и ушла.

Моше. — Потому что ты глупости спрашиваешь. Зачем ты заставляешь женщину быть непокорной? с тебя взыщется за её непослушание.

Сендер. — Нельзя же закрывать глаза на её поведение.

Моше. — Что же ты в нем нашел дурного?.. Я обманул её, а она, кроткая горлица, меня за то даже не попрекнула. Я обещал ей не посылать вас к следователю, а послал... и она промолчала, она без ропота покорилась воле отца, как верная еврейка. Оставь ее, она умнее тебя и лучше, она достойна быть мужчиной по уму.

Сендер. — Куда же она пропадает, так что и не выразишь, где она была? об чем она думает, когда по целым часам сидит над рекой?

Моше. — Она болеет душой за меня и за Михеля, оттого нет ей покоя.

Сендер. — Ей в душу заглянуть трудно, за кого она болеет.

Моше. — Не смеешь ты этого говорить, Сендер, после того, какую услугу она оказала евреям своим свиданьем со следователем.

Шабсай. — Реб Моше! рабби Сендеръ! время ли теперь ссориться, когда надо спасать Михеля?

Моше. — Нет, братья мои, не Сарра повредит Михелю; страшно повредить один человек: повредит старик, Авраам Гиршел, у которого мы справляли шабаш. Он много раз звал нас к столу, и мы просили подождать Михеля. Авраам так и скажет на следствии, и тогда ясно будет, что Михель был в драке.

Шабсай. — Надо уговорить старика.

Моше. — Я уговаривал, но он ничего не слушает. Я уж упросил его прийти сюда; говорите с ним сами.

Нахман. — Он не посмеет выдавать еврея.

Моше. — Авраам только законы еврейские соблюдает, а душа у него не еврейская, — наше общество для него ничто.

Шабсай. — Правда твоя: Авраам Гиршель упорен, как дикая скала. Я знал его молодым, он всегда был такой. Еврейское общество сколько раз его преследовало, разоряло, и он предпочитал скитаться нищим, но не подчинялся приказаниям общества.

Гилель. — Его христиане поддерживали.

Нахман. — Зачем же было так долго терпеть такого человека? разве нельзя его извести, как других наших противников?

Шабсай. — Теперь он стар, живет со своим благочестивым сыном, и нам ни в чем не мешает. Но если он выдаст Михеля...

Нахман. — Предать его проклятию, предать его хериму!

Многие. — Предать Авраама хериму! Пускай суд бед-дин произнесет приговор! хериму предать!

Нахман. — Чтоб все от него отвернулись, даже родной сын.

Лейзер. — Погодите, братья; торопливость враг разума; прежде подумаем, к чему это нас приведет?.. Какая нам польза, что

ужасное проклятие херима будет тяготеть над Авраамом? следовательно все-таки спросить Авраама и поверит его свидетельству.

Нахман. — Так отстранить его. Запереть в подвал и сказать, что он уехал за границу.

Лейзер. — И это опасно. Уж Иошке указал на него; если теперь Авраам исчезнет, на нас падет лишнее подозрение. Постараемся лучше направить его на свою пользу. Он стар, беспамятен и слабоумен, его сбить перед следователем легко; а между тем христиане высоко ценят его честность, и это нам выгодно.

Гилель. — Оттого евреи и прощали ему его сумсбродство [сумасбродство], что чрез него добывали фортель; он часто и сам не понимал, что служил нам.

Лейзер. — Так, так. Встретим его лаской и почетом; будем вместе уговаривать. Шабсай, ты, как первый раввин, Сендер, ты, как сын.

Входить Авраам.

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и Авраам.

Авраам. — Благослови Бог Саваоф ваше соглашение.

Шабсай. — Старейшему израильтянину почет. Иди, Авраам, иди. Ты прожил больше всех нас, Бог дал тебе долгие дни. Помоги нам советом и делом.

Авраам. — Бог продлил мне веку за простодушие мое; моя мудрость голубиная, ваша змеиная, — где мне вас учить!

Шабсай. — Устами добродушия глаголет сам Господь. Садись, садись, тебе первое место между нами.

Авраам. — Вы призвали меня; на что я вам нужен?

Шабсай. — Для спасения всех нас. Над нашей еврейской общиной разразилось великое горе.

Авраам. — Если горе ничем не вызвано, надо его терпеть, как испытание Божье; если же вы сами повинны в нем, надо его терпеть, как заслуженное наказание.

Шабсай. — Отчего же не стараться отстранить горе? Здоровый, породистый конь и тот может оступиться и поранить ногу. Неужели же не лечить его рану за то, что он сам оступился, и бросить его, сказавши: терпи.

Авраам. — Какого же лекарства вы хотите от меня, слабого старика?

Шабсай. — Единым словом ты поможешь всей общине, вернешь ей веселье и радость; твое слово сильнее целого полчища заступников; тебя уважают не только единоплеменники, но и чужие, — тебе верят даже враги.

Авраам. — Какое же слово мое такое сильное?

Шабсай. — Твой родственник, Михель, арестован. Он был в ту субботу в твоём доме; припомни...

Авраам. — погоди. Не продолжай. Теперь я знаю, о чем ты хочешь просить; Моше полдня не отходил от меня с этой просьбой: я должен сказать властителям, что Михель все время был у меня, сказать против правды. Равви, ты сейчас говорил, что меня уважают и свои, и чужие, что мне верят и враги. Равви, ты мудрый наставник; поясни мне, чем я это заслужил?.. Тем ли, что я стар? но шинкарь Ицка старше меня, а его не уважают и евреи. Я не богат, я не учен... я из всего писания знаю только то, что говорить моему сердцу; чем же я мог заслужить такую великую честь, какой не

заслужили даже многие сильные мира?.. единым только: правдой моей... И ты хочешь, чтоб я от этой правды отрекся? изменил себе, изменил той святыни, которая меня недостойного подняла? Равви, ты мудрый наставник, но это ты рассудил немудро.

Лейзер. — Авраам, дай и мне сказать слово. Ты забыл, что почитают тебя не за одну правду, а ещё и за то, что ты никогда никому не сделал зла. Хочешь ли ты теперь взять на душу погибель близкого человека?

Авраам. — Этого Бог не допустит.

Лейзер. — Обдумай же, обдумай, Авраам... Осмелишься ли ты сказать, что именно Михель убийца стражника?

Авраам. — Нет, я этого сказать не смею.

Лейзер. — Так ведь если ты скажешь, что Михель не был у тебя к началу шабаша, ты этим прямо скажешь, что Михель убийца, — и твоя правда обратится в ложь... Мы все тебе ручаемся за Михеля... А если ты солжешь, ты выгородишь Михеля, и твоя ложь обратится в правду. Хочешь ли ты лживой правды или правдивой лжи?

Авраам. — Не смущай меня, рабби Лейзер, двуличным толкованием. Коли Михель невинен, он докажет это и без меня.

Нахман. — Так иди в стан наших гонителей, христиан! губи своих!.. ещё шало мы страдаем.

Лейзер. (Укоризненно) — Нахман! Нахман!

Сендер. — Отец, вспомни и обо мне. Ты согрешишь перед Израилем, а я за тебя отвечай. Бог Адонай взыскивает за грехи отцов до четвертого поколения. Мои дети и внуки ответят за твой грех, — пожалей нас.

Авраам. — Я дал тебе жизнь, Сендер; ты плоть от плоти моей и кровь от крови моей, могу ли не жалеть тебя и не любить?.. но, сын мой, ты учение меня, а я дольше тебя живу на свете. Много

преследований вынес я за мою непокорную правду: полиция меня в тюрьму сажала, евреи лишали заработка и хлеба, — и все потом с избытком возвращалось. Мне грозили Богом Адонаем, и Бог выводил меня из тюрьмы, как из чистилища, и смирялись самые жестокие сердца перед моим прямодушием. Никакого греха я не совершаю, и за меня ты отвечать не будешь.

Нахман. — Упорство в тебе говорит... радуйся, радуйся, когда лучших сынов твоего племени поволокут в Сибирь!

Авраам. — Не могу я этому радоваться; ты это знаешь, Нахман; но ещё больше грущу я о том, что они сами себя до этого доводят. Не хорошо они поступили, кругом нехорошо. Со мной не хорошо, когда выбрали мое тихое жилище притоном воровского дела, и мне ничего не сказали, простотой моей да добрым именем прикрыться хотели; нехорошо перед Богом, осквернивши его субботу святую помыслами житейских прибылей; нехорошо перед всеми людьми, что так легко по пустякам отняли жизнь у человека... по пустякам, говорю я, потому что менее позорно быть пойманным плутом, чем быть убийцей, даже если б и не было доказано, кто убийца.

Шабсай. — Горе нам, когда старейшие от нас отступаются!

Авраам. — Горе вам! но не оттого, что я не хочу лгать перед судьями, а оттого, что вы забываете священные законы, преподанные вам от Бога. Живите в мире и труде, смотрите на всех людей одинаково, и тогда вам нечего будет бояться. Но пока у вас совесть будет двоиться: одна для своих, близких, а другая для всех других, до тех пор вам всегда нужно будет изворачиваться и лгать. Благодарю моего Всевышнего, что Он меня от этого избавил.

Нахман. — Он из ума выжил.

Лейзер. — Перестань же, Нахман, мы его спутаем на допросе.

Вбегает Ципа.

ЯВЛЕНИЕ III.

Те же и Ципа.

Ципа. — Моше! Моше!.. тут ли Моше? скорее, скорее...

Моше. — Что тебе?

Ципа. — Дождался ты радости от твоего детища: дочь твоя, изменница, убежала из дому навсегда.

Моше. — Опомнись, полоумная, что ты говоришь!

Сендер. — Говори, говори, он мне не верил.

Ципа. — Она ушла с утра и комнату заперла, и ключ Шмулю отдала, приказала, чтобы ни за что никого не пускал, пока отец не вернется, — чтоб отцу ключ отдал. Ну, я прихожу к вам, и не пошла бы туда, если б Шмуль этого мне не сказал; значит там что-нибудь важное, если запретила войти.

Моше. — Ты и вошла.

Ципа. — Я и вошла, конечно... что же? я ей близкая, родная... и на столе у неё вот это письмо я нашла. Прочти-ка, что она тут пишет.

Моше. — Прочти, раввин, я не могу. В моей дочери, какую я знаю, я слишком уверена, — пускай слышать все, что она мне пишет.

Шабсай. (Читает) — «Отец, я уйду из твоего дома навсегда, я не хочу больше жить с вами, ваши еврейские правила душат меня и убивают.

Моше. — Сарра! Сарра!

Шабсай. — «Не старайся вернуть меня, — я скорее кинусь в воду, чем возвращусь в дом. Лучше облегчи мне получить паспорт, не заставляй меня обращаться к властям. Я не оставлю нашу религию, но не подчинюсь кагалу».

Нахман. — Она предаст нас.

Шабсай. — Паспорт просит прислать в Петербург до востребования.

Ципа. — Хоть режь меня на куски, я ни за что не поверю, чтоб она не окрестилась; не такая девка, она знает, как выгодно ей окреститься. Она влюбилась в следователя, и ты, Моше, сам её туда послал, — вот тебе верная еврейка!

Шабсай. — Мы положим проклятье на голову этой девушки.

Моше. — Погодите!.. не может быть... ведь она с малого детства всегда во всем со мной советовалась, сговаривалась... Погодите, я отыщу ее... я переговорю с ней.

Ципа. — Нечего искать. Она своему следователю все расскажет, что видела и слышала в ту субботу; она выдаст Михеля... и тебя она выдаст, своего родного отца... и ты пойдешь с Михелем в тюрьму... и мне будет утешеньем, что и ты пострадаешь за твою проклятую Сарру!

Рыдает.

Моше. — Я найду ее, я найду, я заставлю! она не может так, вдруг перемениться.

Сендер. — Не обманись!

Моше. — Никогда!.. Евреи! раввины, дайоним!.. даю вам великую клятву: если не приведу сюда мою Сарру, пускай хлеб обратится

для меня в камень и каждый глоток воды в огненную струю! пускай не найду я пристанища...

Авраам. — Моше, успокойся. В минуту горячности не решайся ни на что. Минута горячности — минута безумия, доброго совета она не даст.

Моше. — Не раздражай меня, если ты понимаешь, что я в безумии! опасно раздражать безумца. Ты это сделал, твои уроки.

Сендер. — Я с тобой пойду.

Лейзер. — Нахман, и мы тоже... мы можем понадобиться.

Моше. — Ждите меня, раввины; ждите, сыны Израиля, хоть всю ночь.

Уходит с Сендером, Нахманом и Луйзером.

Авраам. — Господи Всесильный, отстрани его от зла.

Говор.

• • •

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Кабинет следователя. Вечер.

ЯВЛЕНИЕ I.

Следователь и прокурор — входит.

Прокурор. — Извините, что прихожу так поздно. Здравствуйте; очень рад, что застал вас дома.

Следователь. — А что? вы по какому-нибудь спешному делу?

Прокурор. — По неприятному делу. Сейчас прибегал ко мне этот еврей, Моисей Гольденвейзер, вне себя. Он не хотел сам идти к вам и просил меня. Его дочь совсем ушла из дому и написала отцу, что не вернется.

Следователь. — Сарра ушла от отца?

Прокурор. — Он хочет непременно её видеть, теперь же, сейчас, и умоляет вас сказать, где она.

Следователь. — Но я от вас впервые узнаю, что она бежала.

Прокурор. — Александр Петрович... привязались вы так не кстати к этой девочке и, право, вы меня обижаете. Я думал, что наши хорошие отношения дают мне основание рассчитывать на вашу откровенность.

Следователь. — Честное слово, я ничего про Сарру не знаю.

Прокурор. — Однако, когда я сказал вам, что она убежала, вы не могли скрыть волнения и радости... не правда ли?

Следователь. — Может быть. Меня ужасно тяготило сомнение с того самого дня, как Сарра ко мне приходила... помните, я вам

рассказывал... На улице она убегала от меня... Меня мучило, что я поступил с ней дурно и несправедливо. Теперь я в этом уверен, и мне легче, — я знаю, как на неё глядеть, ведь если она порвала всякую связь со своими, значит она не знала, какую интригу они подвели, когда шла ко мне.

Прокурор. — Знала или нет, во всяком случае эти ваши отношения к ней вызвали много гадких пересудов. У всех здешних евреев только одно на языке: разговоры о вашем увлечении Саррой Гольденвейзер.

Следователь. — Это их обыкновенная манера: подымать какой-нибудь гвалт, чтоб отводить глаза.

Прокурор. — Все-таки они разносят сплетню. Вчера меня губернатор спрашивал... с тоном иронии спрашивал: правда ли, что вы воспользовались вашим положением следователя, чтоб приволокнуться к хорошенькой жидовке?

Следователь. (Горячо) — Я попрошу губернатора повторить эти слова мне в глаза.

Прокурор. — Ради Бога нет... иначе; я вам ничего говорить не стану. Во всех таких случаях следует тушить, а не разжигать. ещё хорошо, что пока никто не подхватил и не напечатал этой истории в газетах.

Следователь. — Ах, как бы я желал передать все это следствие об убийстве кому-нибудь другому.

Прокурор. — Это было бы большой бестактностью: мы этим признали бы, что вы действительно могли быть пристрастны к евреям.

Следователь. (Взволнованно) — Хоть бы захворать сильной болезнью... тифом что ли! чтобы это само собой случилось.

Прокурор. — Милый Александр Петрович, — неужели уж до того дошло? так вам понравилась эта девушка?

Следователь. — Я не знаю.

Прокурор. — Как вы вспыхнули! Вы готовы из-за неё испортить всю свою карьеру.

Следователь. — Это женщина, выходящая из ряда вон, она всегда представляла для меня притягательную силу своей жадностью к свету и истине, своей пытливостью и твердостью в убеждении. Как я мог заподозрить её в обмане? это было нелепо; она не умеет быть неискренней. А теперь, когда она убежала от своих, она ещё больше связала меня своим доверием ко мне, моей виной перед ней... Теперь я единственный человек, на кого она может рассчитывать.

Прокурор. — Однако куда же она девалась?

Входить слуга.

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и слуга, потом Авдотья.

Слуга. — Авдотья пришла, вдова вахмистра. К вам просится.

Следователь. — Теперь?.. одиннадцатый час.

Прокурор. — Ничего, примите. Все, равно я скоро уйду от вас.

Следователь. — Пусти.

Слуга. (В дверь) — Войди, Авдотья.

Авдотья входит.

Авдотья. (Кланяется) — Здравствуйте.

Слуга уходить.

Следователь. — Что тебе?

Авдотья. — Да что? я к вам по секретному делу.

Следователь. — Сергей Андреич прокурор, ему твое дело не секрет.

Авдотья. — Не по моему делу-то... насчет барышни.

Прокурор. — Я уйду. До свиданья.

Следователь. — Нет, нет. Я не хочу, чтоб вы опять подозревали, что я скрытничаю; останьтесь. Какой барышни? я ничего не знаю. Ты можешь говорить при Сергее Андреиче.

Авдотья. — Я на счет Сарры Моисеевны.

Следователь. — Сарры?.. ты знаешь, куда она убежала?

Авдотья. — Ко мне убежала, у меня прячется... да мне разве её схоронить? Комнатка у меня крошечная, теснота, дети... двери раскрыты, всякий войдет.

Следователь. (Прокурору) — Вот уж это воистину чудеса. Верите ли, двух недель не прошло, как она тут проклинала евреев, с таким бешенством, что я же её успокаивал, а теперь она же приютила у себя еврейку.

Авдотья. — Что-ж, Александр Петрович, — умер мой муж, на все воля Божья... не узнаешь, откуда Бог смерть пошлет, коли угодно Ему, Владыке небесному, взять к себе человека, — роптать грех... а она барышня хорошая.

Следователь. — Да я разве осуждаю? я ужасно рад.

Авдотья. — Она тоже несчастная, может, ещё несчастнее меня. У меня хоть и сироты, а все же дети, свое порождение, есть кого приласкать; у неё, у болезной, никого нет теперь, ни души человеческой.

Следователь. (Прокурору) — Слышите?

Авдотья. — Вы бы поглядели, как она к моим младенцам льнет. Впервой-то когда прибежала, на задворке, вижу, мово Васичку на руки взяла, — я таки озлилась в те поры, турнула: «что вы, барышня, тут ходите? не место вам, оставьте младенца... да так она на меня поглядела, в глазах-то слезы, слезы... у меня и язык во рту присох.

Следователь. — Слышите? слышите?

Авдотья. — Ну, пустила её к себе, — так она каждый день заладила ходить, и все подле моих детей вьется: того умоет, другому платишко зачинит... известно, ей делать нечего; да ведь и сердце болит, кого-нибудь любить надо... а дома-то, как послушаю ее, застуда одна; так она к моим ребятишкам, дай Бог, ей здоровье. Третьяго дня я на весь день уходила, окна мыть у начальника, — она, матушка, четыре часа с ними провозилась.

Следователь. — Но ведь теперь она совсем из дому убежала? (Прокурору) Вы говорили.

Авдотья. — Видно, уж совсем не в моготу стало... бедная!.. хочет уехать отсюда в Петербург; прибежала ко мне: приюти на ночь; завтра утром чуть свет уеду». Так теперь с вами проститься просится. Очень просится, то-есть, чтобы видеть вас.

Следователь. — Где она?

Авдотья. — Со мной пришла. У вас тут на кухне дожидается.

Следователь. — Сарра Моисеевна! зачем же она прямо не вошла с тобой?

Уходит.

Авдотья. — Как прямо-то войти? ведь не знаешь, может, и не примут. Да уж робкая какая стала, запужали её родичи-то. А барышня хорошая, жаль, что уезжает. Как она с детками умеет заняться, хоть бы и не еврейке.

Входят следователь и Сарра.

ЯВЛЕНИЕ III.

Прокурор, Авдотья, следователь и Сарра.

Следователь. — Здесь Сергей Андреич, — ничего, он вам сочувствует.

Прокурор. — Вы хотите уехать в Петербург?

Сарра. — Я боюсь оставаться дома, спасите меня. Сегодня Сендер сказал мне, что меня заставят обвенчаться с ним против моей воли; свяжут веревками и обвенчают.

Следователь. — Как же это можно?

Сарра. — Еврейскому обществу все можно. Разве не исчезали девушки из города, так что потом и не возвращались. Ужас думать, чего от меня хотят.

Следователь. — Вы хорошо придумали: в Петербург. Я напишу письмо моей тетке; чту бы там дальше ни было, а пока она вас примет; вы будете в безопасности.

Прокурор. — Позвольте; если уж бежать, то чем скорей, чем лучше. Где там у прачки ночевать, нас сейчас откроют.

Авдотья. — Уж я и сама думала.

Прокурор. — Утром и заметнее будет бегство. Есть ночной поезд, в два часа, уезжайте ночью.

Сарра. — Хорошо.

Прокурор. — Есть у вас деньги?

Сарра. — Я скопила от подарков... и от бабушки мне достались выигрышные билеты.

Прокурор. (Авдотье) — Беги к моему рассыльному. Знаешь Семена Дроздова?

Авдотья. — Знаю, батюшка, и где живет, знаю.

Прокурор. — Скажи, чтоб сейчас шел сюда, к следователю, — живо! (Авдотья уходит) Вы, Александр Петрович, проводите с Семеном барышню ко мне. Я женат, у меня ловчее ей ночью дожидаться поезда. Я пришлю за вами карету, у домохозяина возьму, и на всякий случай ещё нескольких провожатых. Ждите кареты. Не беспокойтесь, я все устрою хорошо. (Сарре) В два часа вы уедете, и Семен проводит вас до самого Петербурга. Теперь оставлять вас одну нельзя ни на минуту, а Семен к вам никого не подпустит. (Следователю) До свиданья: иду предупредить жену.

Следователь. — Простите, Сергей Андреич, — я всегда считал вас человеком хороших правил, но чтоб вы так могли откликнуться...

Прокурор. — Вы не ждали?.. Такой уж случай, что делать?.. Оно немножко незаконно, что мы тут с вами устраиваем, — тем более,

что мы представители закона; но всякий бы на нашем месте сделал то же самое, всякий решительно, — такой уж случай.

Следователь, (С чувством и крепко пожимая ему руку) — Спасибо вам.

Прокурор уходит.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Следователь и Сарра.

Сарра. — Как вы его поблагодарили... за меня?.. вам жаль меня?

Следователь. — Я очень виноват перед вами... но вы сами пришли ко мне, стало быть, вы простили обиду.

Сарра. — За вашу обиду вы мне сделались ещё дороже: я чувствовала, до чего вам было тяжело думать, что я знала об интриге.

Следователь. — Страшно, бесконечно тяжело, Сарра! за то в самую минуту вашего ухода я уж не верил себе... и потом мучился, хотел убедиться, что не прав перед вами... и расспрашивал про вас, да никто ничего не знал; а предчувствие говорило мне, что мы должны встретиться, как встретились теперь. Сейчас, когда мне сказали, что вы здесь, я так легко вздохнул, словно наконец-то совершилось, чего давно желал. Теперь мы друзья с вами навсегда, не правда ли? друзья, какими никогда не были.

Сарра. — Вы не оттолкнете меня?

Следователь. — Оттолкнуть? вас? после всего, что я теперь знаю? Давно вы мне были понятны вашим характером, отношением к

вашей жизни, но все таки как-то смутно понятны; теперь я вижу ясно, что мои мысли об вас были справедливы, Сарра... вы даже выше того, что я об вас думал... и я счастлив моей обязанностью служить вам, — да, обязанностью: я заменил вам всех; помните, вы сами мне это сказали.

Сарра. — Благодарю вас. Я вам много в тягость не буду.

Следователь. — ещё бы в тягость, — когда я люблю вас, Сарра; любимая женщина может ли быть чем-нибудь в тягость?.. Мы родные с вами... все остальное случайно: служба, положение, общество, еврейство, — не случайно одно только: что мы с вами родные душой.

Сарра. — Но и случайным нельзя пренебрегать. Мой отец будет привлечен к следствию об убийстве?

Следователь. — Только не мной. Мне нельзя вести это дело. Пускай осуждают меня и говорить, что хотят, — я от него откажусь.

Сарра. — Не делайте этого; останьтесь, каким я всегда знала вас: прямым и справедливым. Если отец мой заслужил обвинение, — обвиняйте. Больно то, что он заслужил, а не то, что его обвинят.

Следователь. — Не могу же я преследовать отца и жениться на его дочери.

Сарра. — Вы во всяком случае жениться на мне не можете... Милый человек, не сомневайся, что и я люблю тебя! люблю самой чистой горячей любовью; но я и верю в тебя, как во все лучшее в мире. Ты не потребуешь, чтоб я для тебя рвала все, что осталось во мне хорошего от прежней жизни... и твой добрый Бог, Христос, не потребует, чтоб я так легко, из-за одной любви моей, уступила и мое еврейство, и моего отца.

Следователь. — Как мне это понять?

Сарра. — Я не приму христианства, я должна для этого уверовать всем разумом, переродиться. Но если б это и случилось, я не брошу моего отца. Его посадить в тюрьму, я буду подле него; его сошлют, я пойду за ним.

Следователь. — Он мало замешан в деле, он скоро опять будет свободен.

Сарра. — Тогда евреи станут мстить ему за меня, от него все близкие могут отвернуться, его разорят. В одиночестве, в несчастье, я призову его к себе и утешу его старость.... к вашей жене он не пойдет.

Следователь. — Боже мой, Боже! какая это однако страшная сила: власть Израиля! как трудно от неё оторваться!.. А если твой отец, чтоб остаться в мире со своими, предложит тебе одно из двух: подчинение кагалу или свое проклятье?

Сарра. — Я не боюсь проклятья, меня проклинать не за что. Проклятье будет бессильно. Перестанем об этом говорить, мой дорогой благодетель. Я не хочу теперь думать о том, что будет; теперь мне легко сноситься со всеми людьми. Я поеду в Петербург учиться и пробивать себе дорогу; а после, что Бог определит.

Следователь. — Стало быть, не все мои надежды рушатся.

Сарра. — Пишите же письмо к вашей тетушке. Вот как я люблю нас: от вас всякую помощь приму, не постыжусь... (Случайно вздрагивает.) — Мы забыли опустить шторы в окнах. Мне так страшно! могут выследить, что я здесь.

Следователь. — Это окно и дверь в сад; кругом его забор, и калитка в него заперта; там никого нет.

Входить слуга.

ЯВЛЕНИЕ V.

Те же и слуга.

Слуга. — Барин, ихний отец у нас на крыльце сидит; говорит: знаю, что она здесь. Хочет видеть барышню, хоть всю ночь её здесь караулить.

Сарра. (Следователю) — Позвольте ему сюда войти. Мне все равно надо с ним проститься. Лучше здесь, чем если он остановит меня на улице. Позвольте здесь. Вам не будет неприятности, — я объясню ему, он мне поверит.

Следователь. — Если б и была неприятность, — вы это просите. (Слуге.) — Приводи его сюда.

Слуга уходит.

Сарра. (В сильном волнении, сперва сдерживаемом, в конце со слезами) — Сейчас придут эти люди от прокурора, и уж мы не останемся больше одни... до отъезда... так я ещё раз хочу поблагодарить вас за все... я не могу теперь ничего говорить, объяснить, что я чувствую... так вместо всяких слов одно только...

Бросается ему на шею и крепко целует; он целует её несколько раз, потом они расходятся.

Следователь. — Вы должны писать мне каждый день оттуда... каждый день, слышите.

Сарра. — Конечно.

Входит Моше.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Следователь, Сарра и Моше; потом без следователя; позже Сендер и Лейзер.

Сарра. — Прежде, чем ты что-нибудь скажешь, отец, прошу тебя, верь мне. Клянусь Богом Авраама, Исаака и Иакова, я говорю правду. Я пришла сюда полчасика назад, пришла сама, — извиниться за гадкие сплетни и проститься... уговора у нас не было, меня здесь не ждали, я пришла сама.

Моше. — Какое это имеет значение теперь? — никакого. Зачем ты пришла и был ли уговор? не в этом дело... пока я не сказал тебе всего, что кипит у меня на душе... (Следователю.) Прошу вас, как милости, позвольте мне с моей дочерью остаться наедине.

Следователь. — Если б вы знали, как бы я этого не желал.

Моше. — Не откажите дряхлому разбитому старику. Моя просьба так проста: между отцом и дочерью так мною есть такого, что не касается посторонних людей.

Сарра. — И я прошу вас, — позвольте нам остаться одним.

Следователь. — Я не имею права отказать вам. Я пойду приготовить письмо.

Уходит.

Моше. — Благодарю тебя, дочка, что хоть говорить с собой позволила.

Сарра. — Отец, не томи меня такими ненужными словами. Что тебе от меня надо?

Моше. — Я хочу, чтоб ты сама своим голосом сказала мне, что ты меня кидаешь. Мне показывала бумагу, говорили, что это письмо от тебя, я не мог читать... мне прочитали... может быть, сочинили сами... вздор какой-нибудь... Я хочу от тебя самой своими ушами слышать, что ты навсегда хочешь бросить меня.

Сарра. — Не тебя я бросаю, отец. Бог свидетель, что мне тяжело с тобой расстаться. Я не могу жить, как жила до сих пор. Ты не замечал, как я страдала, ты не хотел замечать, что тебе было не по душе, закрывал глаза, — обрывал всякий разговор; но чаша переполнилась! — я не могу так жить.

Моше. — Как же ты хочешь жить?

Сарра. — Я уеду в Петербурга. Как-нибудь устроюсь.

Моше. — И он туда приедет?

Сарра. — Это злоба в тебе говорит, отец, а не ты... Ты знаешь, что я не легкомысленная девчонка; если решаюсь, то у меня есть важные причины.

Моше. — Ты хочешь принять веру Христа?

Сарра. — Нет.

Моше. — Я понимаю... я понимаю, Сарра!., тебе тяжелы наши еврейские правила? тебе гадов твой жених... ты не разделяешь наших взглядов на иные наши поступки; как старый Авраам, не разделяешь?... я понимаю, Сарра.

Сарра. — Я задыхаюсь в этом!

Моше. — Я понимаю, Сарра... может быть, ты права, — и ты лучше нас... хорошо, хорошо... ты будешь иначе жить... только вернись ко мне, покайся перед еврейским обществом, покорись! это будет последнее. Я покончу все дела в этом городе, я богат... мы оба уедем куда хочешь, в Петербург, в Париж, — только теперь вернись.

Сарра. — Для чего новая пытка и ложь?.. Кончай свои дела; я буду ждать тебя в Петербурге.

Моше. — Я даль клятву перед всем еврейским обществом, что приведу тебя, как покорную дочь; не заставляй меня быть кдятвопреступником. Сарра, я откажу Сендеру, он не будет твоим мужем, — я ни за кого тебя не отдам, кого ты сама не возьмешь. Мне не долго жить осталось; я умру, и ты будешь богата и свободна; никто не посмеет слова сказать, что бы ты ни сделала... потерпи немного, не позорь моих последних дней!.. я всегда хвалил тебя выше меры, — не разбивай моих похвал, не отдавай меня на посмешище!

Сарра. — Тебе насмешка кагала важнее, чем вся моя жизнь?.. и после этого ты надеешься охранить меня от прежнего гнета. Ты обещаешь, чего не можешь исполнить.

Моше. — Я не позволю никому обидеть тебя... вернись, Сарра, вернись, недолго мне жить осталось. Вспомни, как я всегда любил тебя, как ласкал, — как маленькая ты у меня на груди грелась и прятала головку под мою бороду... вспомни твою мать! как ты её боготворила... как она, умирая, завещала тебе слушать отца беспрекословно, и ты рыдала, девочка, и повторяла: буду, буду! всю жизнь буду... Вспомни все твоё детство и пожалей меня: ведь на меня плевать будут, если ты не придешь, в меня камнями бросать будут, сжался надо мной... хочешь ли, я на колени упаду к твоим ногам.

Сарра. — Не проси, — ты сам потом пожалеешь, если я тебя послушаю.

Моше. — Ты не хочешь?

Сарра. — Нет.

Моше. — В последний раз: ты не пойдешь со мной?

Сарра. — Отец! у меня твоя кровь. Менял ли ты свое решенья, когда решал что-нибудь важное?

Моше. (Твердо и сухо) — Нет. Правда. Так. Стало быть, больше говорить не для чего... вы все приготовили, сейчас придут люди и вышвырнут старого Моше на поругание.

Сарра. — Простимся дружески. Ты моей любви не теряешь.

Моше. — Любви! любви... да...

Гасит лампу и украдкой отпирает садовую дверь.

Сарра. — Зачем ты потушил лампу? Не затевай ничего дурного, — ты раскаешься.

Моше. — Дурного! — что может быть хуже непокорства дочери?.. Я потушил свет, чтоб ты не видела моего искаженного страдальческого лица, чтоб не задрожало оттого твое сердце. Простимся, подойди ко мне.

Сарра. (Подходит, к нему) — Прощай. (Он крепко обнимает её и ведет к садовой двери) — Куда ты ведешь меня?.. остановись... не заставляй меня кричать и звать на помощь.

Моше. (Толчком руки отворяет садовую дверь) — Еврейка должна быть покорной дочерью.

В садовую дверь появляются Лейзер и Сендер. схватывают Сарру и вместе с Моше уводят её насильно.

Сарра. (Вскрикивая) — Помогите!.. Помо...

Крик её заглушен за сценой. Вбегает следователь и останавливается.

ЯВЛЕНИЕ VII

Следователь, потом слуга, потом Моше.

Следователь. — Темно!.. они ушли... Павел! Павел! (Отворяет дверь: появляется слуга) Не проходили мимо тебя?

Слуга. — Нет.

Следователь. — Я слышал крик... огня, скорей огня!

Слуга скрывается и вскоре вносить лампу.

Следователь. — Скорей же! скорей! (Увидя раскрытую садовую дверь) — А злодеи, они увели её в сад!.. Там подкарауливали! не уйдут. Беги к забору! кричи, зови народ!

Слуга убегает — он идет к садовой двери, в которой появляется Моше.

Моше. — Поздно... вы этого хотели... теперь вы и меня можете вести в тюрьму: я убил ее.

Следователь. — Изуверы!

Убегает в садовую дверь.

Моше. — Бедная моя Сарра! дитя мое! дитя мое!

Рыдает.

конецЪ.

• • • •

СНОСКИ

1 Так как евреи не имеют права гасить свечи, зажженные накануне субботы, то иногда их ставить в горшки с песком во избежания пожара.

• • •

ОГЛАВЛЕНИЕ:

СЫНЫ ИЗРАИЛЯ	1
ДРАМА В 4-ёх ДЕЙСТВИЯХ и 5-ти КАРТИНАХ.....	1
СОЧИНЕНИЕ	1
В. КРЫЛОВА и С. ЛИТВИНА.	1
СЫНЫ ИЗРАИЛЯ	2
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:	2
ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.	4
ЯВЛЕНИЕ I	4
ЯВЛЕНИЕ II.	5
ЯВЛЕНИЕ III.	7
ЯВЛЕНИЕ IV.....	12
ЯВЛЕНИЕ V.	14
ЯВЛЕНИЕ VI.....	16
ЯВЛЕНИЕ VII.....	19
ЯВЛЕНИЕ VIII.	20
ЯВЛЕНИЕ IX.....	22
ЯВЛЕНИЕ X.	24
ЯВЛЕНИЕ XI.....	26
ЯВЛЕНИЕ XII.....	29
ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.	31
ЯВЛЕНИЕ I.....	31
ЯВЛЕНИЕ II.	36
ЯВЛЕНИЕ IV.....	39

ЯВЛЕНИЕ V	40
ЯВЛЕНИЕ VI	43
ЯВЛЕНИЕ VII	47
ЯВЛЕНИЕ VIII	51
ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ	56
ЯВЛЕНИЕ I	56
ЯВЛЕНИЕ II	62
ЯВЛЕНИЕ III	69
ЯВЛЕНИЕ IV	73
ЯВЛЕНИЕ V	78
ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ	79
КАРТИНА ПЕРВАЯ	80
ЯВЛЕНИЕ I	80
ЯВЛЕНИЕ II	83
ЯВЛЕНИЕ III	87
КАРТИНА ВТОРАЯ	90
ЯВЛЕНИЕ I	90
ЯВЛЕНИЕ II	92
ЯВЛЕНИЕ III	95
ЯВЛЕНИЕ IV	97
ЯВЛЕНИЕ V	100
ЯВЛЕНИЕ VI	101
ЯВЛЕНИЕ VII	105
конецъ	106
ОГЛАВЛЕНИЕ:	107

• • •